

**Памятник
профессору В. И. Григоровичу
на могиле его
в Елисаветграде.**

Одесса
Тип. Шт. Одесского военного Округа. Тираспольская, 14
1894

Сооружение памятника профессору В. И. Григоровичу на могиле его в г. Елисаветграде.

Отчет Правления Историко-Филологического Общества.

В виду особенно важных ученых заслуг профессора Виктора Ивановича Григоровича по славяноведению и по изучению южнорусской старины вскоре после смерти его между учениками и почитателями его возникла мысль о сооружении надгробного памятника ему в г. Елисаветграде. Тогда же для этой дели была собрана некоторая сумма, из которой одна часть, хранившаяся сначала у бывшего директора Елисаветградского реального училища г. Завадского, была передана г. ректору Новороссийского университета, а другая, собранная бывшим Елисаветградским городским головой С. Н. Турчановым, продолжала храниться при Елисаветградской городской управе. Но на этом дело и остановилось, пока в

1890 году, по случаю исполнившегося тогда 25-летия Новороссийского университета, не ожили снова воспоминания о покойном Григоровиче, как об одном из наиболее видных представителей профессорского сословия за минувший период жизни университета. В этом году состоящее при Новороссийском университете историко-филологическое Общество посвятило весь первый выпуск своей «Летописи» памяти покойного профессора и в заседании 14 марта 1890 г. единогласно постановило: во 1-х, возбудить чрез г. Попечителя Одесского Учебного Округа ходатайство об испрошении в установленном порядке разрешения на сбор пожертвований между учениками и попечителями проф. Григоровича в Казани, Москве и Одессе, по месту службы его; во 2-х, по получении разрешения снести с подлежащими учреждениями относительно сумм, поступивших ранее для той же цели; и в 3-х, открыть дальнейшую подписку среди учеников и почитателей Григоровича. 26 ноября 1890 года г. Ректор Новороссийского университета по предложению г. Попечителя Одесского Учебного Округа уведомил Правление Общества, что г. Министром Народного Просвещения предложением, от 15 ноября того же года за № 18011, разрешен сбор пожертвований для указанной цели. По получении этого разрешения Правление приняло в свое распоряжение ранее собранные суммы, а именно: чрез ректора Новороссийского университета 87 руб. и чрез Елисаветградского городского голову А. Н. Пашутина 100 руб., и предприняло следующие меры к дальнейшему сбору пожертвований. Прежде всего Правление поместило соответствующие приглашения к пожертвованиям в газетах Одессы, Казани и Москвы и напечатало их отдельными оттисками для распространения среди лиц, на участие которых можно было надеяться. Затем правление обратилось за содействием к г. Попечителю Одесского Учебного Округа Х. П. Сольскому и его благосклонному участию было обязано открытием сбора между преподавателями не только средних учебных заведений округа, но даже и низших. Что касается последних, то особенно сочувственно отнеслась к делу дирекция народных училищ Бессарабской губернии, и нельзя не отметить того факта, что значительная доля собранной по Одесскому округу суммы, составила из мелких, часто копеечных взносов учеников и учителей сельских школ. Одновременно чрез посредство ректора Новороссийского университета была открыта подписка и среди профессоров университета. Разсчитывая на особенно усердное содействие среди учительского сословия и вообще граждан г. Елисаветграда, в котором провел последние месяцы жизни и погребен покойный профессор, Правление, помимо подписки в местных учебных заведениях, открыло там отделение комитета по сбору пожертвований, пригласив к участию в нем городского голову А.Н. Пашутина, соборного протоиерея Ф.С. Еленевского и учителя реального училища В.Н. Ястребова, и не обманулось в своих надеждах. Указанные лица ответили полнейшей готовностью на предложение Правления, и общие результаты пожертвований со стороны Елисаветграда, сверх ранее собранных, выразились в сумме 400 руб., так что Елисаветграду безспорно принадлежит главнейшая доля участия в деле сооружения памятника Григоровичу, следующее за Одесским округом место следует отнести Казанскому и Кавказскому округам. В первом г. попечитель Н. Г. Потапов, разрешив открытие сбора в средних учебных заведениях, поручил это дело одному из многочисленных в округе учеников Григоровича, профессору Н.А.Осокину, который в весьма сочувственных чертах дополнил воззвание Общества применительно к Казанскому округу, напечатанное безвозмездно редактором «Казанских Ведомостей» Н.А.Ильяшенко в количестве 600 экземпляров и помещенное также бесплатно в «Волжском Вестнике» и «Казанском Биржевом Листке». «Покойный Виктор Иванович, писал проф. Осокин, служил Казанскому университету в продолжении 25 лет (1839—1864). В Казани прошли лучшие годы его ученой профессорской деятельности; здесь появились его замечательные труды, давшие ему славу первого славяноведа в России и лучшего знатока славянства. Он воспитал здесь целое пополнение учеников, на которых имел глубокое нравственное влияние. Многие преподаватели гимназий обширного Казанского Учебного Округа еще и теперь помнят светлую сердечно симпатичную личность славного ученого, беззаветно ими любимого, и, конечно, благоговейно чтят его память. Еще большее число молодых педагогов, принадлежащих к следующему поколению, от своих учителей знают Григоровича по преданию. Благодарная память о нем, как о человеке всецело преданного делу народного просвещения, сохранилась и в начальных училищах г. Казани. В письме на имя председателя Общества профессор Осокин, изъявляя особенную готовность содействовать Обществу, писал: «для меня лично и, смею думать, для всех моих товарищей по университету, память Виктора Ивановича священна; для нас, его учеников, покойник и при жизни и до смерти был предметом своего рода культа, так глубоко было его влияние. Как и следовало ожидать при участии в деле столь восторженного ученика в почитателя Григоровича, сбор пожертвований, препровожденных профессором

Осокиным в кассу Общества, достиг весьма значительной суммы (около 400 руб.) в состав которой входят наиболее крупные отдельные пожертвования.

В Кавказском Учебном Округе Управление Округа, приняв личное участие в деле сбора, также предложило его и учителям местных учебных заведений, препровождаям пожертвования непосредственно в Правление Общества.

В Варшаве Правление Общества встретило деятельное сочувствие в редакции «Филологического Вестника» в лице проф. А.Н.Смирнова, который принял на себя труд по сбору пожертвований в среде профессоров Варшавского университета и присоединил к ним значительный личный взнос.

Некоторое участие в деле принял и университет Св.Владимира в Киеве.

Отметим, наконец, и взносы отдельных лиц, полученные председателем Общества и поименованные ниже в прилагаемом списке пожертвований.

Результаты сбора пожертвований к 11 октября 1891 года достигли суммы 2049 руб. 34 коп., так что Правление Общества сочло возможным тогда же приступить к самому делу сооружения памятника, хотя и возможно было надеяться на дальнейшие пожертвования. Услуги для приведения в исполнение начатого дела предложил местный художник-скульптор Б.В.Эдуардс, изъявивший согласие принять на себя все труды устройства памятника безвозмездно, с уплатою 2005 руб. только за материал, труды рабочих и доставку памятника в Елисаветград¹, и Правление Общества, пригласив к участию в совещаниях архитектора А.О. Бернардацци и обсудив представленную скульптором модель в миниатюре, поручило сооружение памятника г. Эдуардсу. В заключенное при этом условие внесено было: устроить памятник, как самый бюст, так и пьедестал, из каррарского мрамора; бюст выполнить в наиболее возможной точности по имеющимся фотографиям Григоровича и путем указания, какие будут сделаны лицами, знавшими покойного, по изготовлении модели памятника из глины; на четырехугольном пьедестале непосредственно под бюстом поместить несколько фолиантов рукописей, а под ними бордюр в славянском стиле и в последний вплести с передней стороны крест; на самом пьедестале с лицевой стороны изобразить прибитый пергамент с следующими надписями: «ИСКЫИ ПРЯВЪДЫ МЪТЬНАІЄГО СВѢТА СЕГО» славянским шрифтом вверху листа, а ниже в пяти отдельных строках русским шрифтом: «Македония, Византия, Южная Русь во имя славянства», выразив при этом графически, чрез более крупный шрифт для последнего слова, объединяющий элемент научных стремлений Григоровича; в самом низу пергамента поместить автограф и печать Григоровича; в нижней части пьедестала с той же стороны начертать слова: «Виктор Иванович Григорович. От учеников и почитателей; на левой стороне пьедестала вырезать: «Родился в 1815 г.» и на правой: «Скончался в 1876 г.»; пьедестал поставить на гранитном возвышении в две ступеньки. Памятник согласно со всеми указанными условиями был выполнен художником Эдуардсом к лету 1892 года, а открытие его было отложено до осени, так как было признано необходимым предварительно обнести памятник железной решеткой на гранитном основании. В виду оказавшегося недостатка собранных пожертвований для окончания всех работ по сооружению памятника, Правление согласно постановлению Общества пополнило недостающую сумму из средств Общества.

В заключение отчета о сооружении памятника Правление Историко-Филологического Общества считает долгом выразить искреннейшую благодарность всем поименованным в отчете и прилагаемом ниже списке учреждениям и лицам, оказавшим то или другое содействие делу сооружения памятника Григоровичу, а также редакциям газет и журналов, содействовавшим той же цели бесплатной публикацией объявлений Общества, и Правлению Общества Юго-Западных железных дорог, облегчившему сооружение памятника, предоставлением г. Эдуардсу бесплатного проезда от Одессы до Елисаветграда и скидкой с тарифа за перевозку памятника в Елисаветград.

Через ректора Новороссийского университета поступило собранных
вскоре после смерти Григоровича..... 87 р. — к.
От профессоров и служащих в Новороссийском университете..82 « - »
От служащих в Ананьевской гимназии ... 28 «16»
Бахмутской прогимназии. 18 « - »
Болградской гимназии 11 « - »
Вознесенской прогимназии 12 «75 »
Евпаторийской прогимназии 29 «50 »
Екатеринославской гимназии 13 « - »
Екатеринослав. реальн. учил..... 5«40»
Екатеринослав. жен, гимназии..... 8« - »
От служащих в Елисаветградских мужской и женской гимназиях..... 58«50»

Через Елисаветградского голову А. Н. Пашутина, собранных вскоре после смерти Григоровича бывшим
городским головою С. Н. Турчановым..... . 100 « - »
Через него же собранных им по подписному листу в г. Елисаветграде..... 86 « - »
Через Елисаветградского соборного протоиерея Ф.С.Еленевского собранных по подписному листу
в г. Елисаветграде 21 «30 »
Через учителя Елисаветградского реального училища В.Н.Ястребова собранных по подписному листу
в г. Елисаветграде 210 « - »
От служащих в Елисаветградском земском реальном училище..... 23 « - »
От служащих в Измаильской прогимназии 7 « - »
Камратском реальном училищ..... 24 « - »
Кишиневской 1-й гимназии..... 27 « 39 »
. 2-й 23 « 31 »
Мелитопольском реальном училище..... 6 « 90 »
Николаевской Александровской гимназии .33 « - »
Николаевском реальном училище14 « - »
Одесской Ришельевской гимн.13 « - »
Одесском реальном училище..... 6 « - »
« - »коммерческом училище..... 25 « - »
Одесской 1-й гимназии..... 3 « - »
Одесской Мариинской ж.гимназии..... 6 « 20 »
Полтавском реальн. Училища10 « - »
Херсонском..... 6 « - »
Ялтинской Александровской прогимназии 12 « - »
Феодосийской гимназии..... 11 « - »
Дирекции народных училищ Екатеринославск. Губернии..... 9 « - »

Через Инспектора народных училищ 1-го района Бессарабской губернии:
От учащих и учащихся в Ганчештском училище..... 2р. 50 к.
От учащих и учащихся в Бендерском училище..... 2 « - »
От учащих и учащихся в Камратском училище..... 27« - »
От учащих и учащихся в Карпиненском училище..... 7 « - »
От учащих и учащихся в Лопушнянском училище.....9 « - »
От учащих и учащихся в Чадырлунгском училище..... 21 « 41 »
От учащих и учащихся в Чучулейском училище..... 8 р. 5 к.
и от служащих в Инспекции 7 « - »
всего..... 83 р. 75 к.

Через Инспектора народных училищ Бессарабской губернии 2-го района:
От учителей и учеников Тараклийского училища 5 р. 15 к.
От учителей и учеников Турлакского училища..... 3 «90 »
всего..... 9р. 5 к.

Чрез Инспектора народных училищ 3-го района Бессарабской губернии от
 служащих по району..... 5 р. — к.
 От Инспектора народных училищ 1-го участка Измаильского района и от
 служащих в Вилковском городском одноклассном училище..... 5 « - »
 От учеников и учителей Аккерманского городского училища..... 14 «30 »
 От учителя и учеников Аккерманского женского приходского училища..... 3 «24 »
 От учителя и учеников Бендерского уездного училища..... 6 р. 50 к.
 и Бендерской женской прогимназии. 3 « - »
всего..... 9р. 50 к.

От учителей и учеников Болградского 3-х классного училища..... 8р. — к.
 От учителей и учеников Белецкого уездного училища, 2-х классного женского училища, приходского
 училища и частного женского 4-х классного училища..... 52 « - »
 От учителей и учеников Голицкого одноклассного министерского училища..... 4 « - »
 От учителей и учеников Гросс-Либентальского русского центрального училища.... 9р. — к.
 От учителей и учеников Ивановко-русского училища 2 « - »
 От учителей и учеников Измаильского городского 4-х классного училища..... 13 «28 »
 От учителей и учеников Кишиневского 1-го уездного училища 8 «72 »
 От учителей и учеников Код-Китайского одноклассного министерского училища . 5«40 »
 От учителей и учеников Кубейского 2-х классного училища..... 6 « - »
 От учителей и учеников Кубейского жен. учил..... 5 « - »
 От учителей и учеников Новобугской учительской семинарии. 4 «50 »
 От учителей и учеников Новотроянского одноклассного министерского училища . 6 « - »
 От учителей и учеников Оргеевского городского 4-х классного училища..... 2 « 20»
 От учителей и учеников Пандаклийского одноклассного министерского училища .. 6 « - »
 От учителя Плахтееского училища..... 3 « - »
 От учителей и учеников Ренисского городского 3-х классного училища..... 9 « - »
 От учителей и учеников Саталык-Хаджийского училища..... 3 «60 »
 От учителей и учеников Селиогльского 1-классного министерского училища..... 4 « - »
 От учителей и учеников Сорокского уездного училища..... 19 «13 »
 От служащих в Симферопольской татарской учительской школы..... 8 «80 »
 От учителей и учеников Татар-Копчакского одноклассного училища..... 3 « - »
 От учителей и учеников Талмазского училища 6 « - »
 От учителей и учеников Хотинского уездного училища..... 5 « - »
 От учителей и учеников Чийшийского 2-х классного министерского училища 6 « - »
 От учителей и учеников Чобручского одноклассного министерского училища..... 8 р.10 к.
 От учителей и учеников Чумлекийского одноклассного министерскоо училища 4 « - »
 От учителей и учеников Старачарихахского одноклассного министерского училища 1р. 23 к³.
 Из канцелярии Одесского Учебного Округа. 3 « - »
 От Управления Кавказского Учебного Округа. 13 « - »
 От служащих в Бакинском реальн. училище..... 10 « - »
 Владикавказской гимназии 5 « - »
 Владикавказской Ольгинской женской гимназии..... 2 « - »
 Горийской (Закавказской) учительской семинарии..... 7 «10 »
 Гори-Анастасиевской женской прогимназии..... 3 «50»
 Екатеринодарской городской гимназии 5 « - »
 Елисаветпольской гимназии..... 4 « 60 »
 Ейском реальном училище..... 6 « - »
 Ейской женской прогимназии..... 4 « - »
 Кубанской учительской семин..... 5 «80 »
 Кутаисской гимназии..... 5 «40»
 прогимназии 6 «88»
 учительск. семин. 7 « - » Пятигорской прогимназии 6 « - »
 Ставропольской гимназии 1 « - »

Сухумской женской прогимн.....	2 « - »
Тамир-Хан-Шурином учил.	6 « - »
Тифлисской 1-ой гимназии	5 « - »
-----2-ой гимназии	6 « - »
Тифлиском реальн. училище.....	8 «88»
Тифлисской женской гимназии и прогимназии.....	6 « - »
От служащих в Шушинском реальн. учил.	16 р. — к.
Эриванской гимназии.....	5 « - »
От профессоров Казанского университета Н.А. Осокина (50 р.), М.П. Петровского (50 р.), А.А.Лебедева (50 р.) и других	249 «55 »
От профессоров Казанской духовной академии	25 « - »
От служащих в Казанской 1-й гимназии.....	5 « - »
-----2-й -----.....	8 « - »
Астраханской гимназии	11« - »
Астраханском реальн. учил.....	10 « - »
Вольском	17«45»
Вятском.....	8 « - »
Елабужском.....	6 «50»
Камышинском.....	7 «17»
Самарском.....	6 « - »
Сарапульском.....	3 «50»
Симбирской гимназии	14 « - »
Сызранском.....	3 « - »
Царицынской гимназии.....	4 « - »
Сверх того по Казанскому округу от А.Д. Иноземцева, А.Г. Шапошникова и А.Д. Некрасова.....	8 « - »
От профессоров университета Св.Владимира.....	11 « - »
Варшавского университета.....	65 « - »

От нижеследующих отдельных лиц:

Г.Е.Афанасьева, Г.Барановского, Г.С.Дестуниса, В. Иконникова, В.О.Канского, директора Варшавской 5-й гимназии, Ю. Леонтовича, учителя Урюпинского реального училища, И.М.Мартынова, И.И.Ордынского, Н.А.Попова, С.В.Чаушанского.67 « - »

Всего **2052 р. 34 к.**

Приход:

Поступило пожертвований..... 2052 р. 34 к.

%на капитал, обращенный в % бумаги..... 44 «33»

Из сумм Историко-филологического Общества

Итого..... 2219 р. 88 к.

Расход:

Уплачено г. Эдуардсу за материалы и труд Рабочих

Устройство решетки около памятника

Типографские и почтовые расходы.....

Итого **2219 р. 88 к.**

Открытие памятника Григоровичу.

Днем торжественного освящения памятника Григоровичу было назначено 18-е октября 1892 года. К этому дню в Елисаветград прибыл Его Преосвященство Епископ Елисаветградский Акакий, депутаты Историко-Филологического Общества Новороссийского Университета, Общества бывших студентов того

же Университета и Ананьевской гимназии. Торжество началось литургией, совершенной Преосвященным в кладбищенской Петропавловской церкви, куда собралось множество молящихся, в том числе учителя, ученики и ученицы всех городских средних и низших учебных заведений. После литургии, на которой произнес слово Его Преосвященство, к памятнику двинулась длинная процессия духовенства с Преосвященным во главе. Вокруг памятника уже стояли ученики местных учебных заведений с венками в руках, а далее — несметная толпа молящихся, когда скульптор сдернул с памятника завесу и глазам присутствующих предстало изображение знаменитого профессора, ярко освещенное солнцем, началась панихида, отслуженная с необычайной торжественностью при участии в пении всего духовенства. По окончании панихиды были возложены на памятник венки от Казанского Университета. От Новороссийского университета, от Общества бывших студентов Новороссийского Университета, от Одесского Славянского Общества, от Ананьевской гимназии, от Елисаветградской гимназии, от Елисаветградского реального училища, от учеников старших классов того же училища и от граждан г. Елисаветграда. При возложении венков соединенные хоры учеников Елисаветградской гимназии и реального училища, с в участием оркестра духовых инструментов из учеников гимназии, исполнили гимн «Коль славен». Затем проф. А. А. Кочубинский произнес речь «О значении В.И.Григоровича в истории славяноведения».

В 2 часа дня в актовом зале классической гимназии состоялось торжественное собрание Историко-Филологического Общества в честь памяти Григоровича. При входе Его Преосвященства певчие гимназии и реального училища пропели «Царю Небесный», а затем оркестром гимназистов был исполнен чешский национальный гимн. По окончании последнего, председатель Историко-Филологического Общества заявил, что Его Преосвященство Епископ Елисаветградский благосклонно принял на себя почетное председательство в торжественном собрании в память проф. В.И.Григоровича, и предложил почтить память покойного вставанием, Речь проф. Ф.И.Успенского «История сооружения памятника В. И. Григоровичу», за болезнью автора, была прочитана приват-доцентом Г. Е. Афанасьевым. Затем проф. А.И.Кирпичников произнес речь «О значении В.И.Григоровича в истории русской науки». После него проф. А.И.Маркевич сообщил воспоминания о покойном, как о преподавателе. Преподаватель местного реального училища В.И.Ястребов, воспитанник учеников Григоровича и ученик его самого, прочел речь «О значении памятника В.И.Григоровичу для местного общества, а инспектор того же училища Н.Ф.Марков прочитал свою былинку: «Пахарь русской земли». В промежутках между чтениями хоры местных учебных заведений пели: гимн св. Кириллу и Мефодию, песнь «много лета, много лета, православный Русский Царь», гимн И.А.Коменскому Главача, «Ja jsem Slovan s dusi s telem». По окончании речей прочтен длинный ряд приветствий и телеграмм от разных учреждений и учеников покойного. Особенной сердечностью отличалось приветствие Г.Е.Афанасьева от имени Общества бывших студентов Новороссийского Университета. Торжественное собрание закончилось русским национальным гимном, исполненным совместно хором певчих и оркестром.

По окончании торжества венки, возложенные на могилу, переданы на хранение в историко-географический музей Елисаветградского реального училища. В том же музее предполагается собрать фотографические и печатные изображения В.И.Григоровича и его памятника, описания торжества открытия памятника в периодической печати и печатные труды покойного.

**Виктор Иванович Григорович (1815—1876) в истории Славяноведения.
Орд.проф. А. А. Кочубинского.**

Ваше преосвященство и ревнители памяти нашего учителя!

Влекомые одним и тем же чувством, мы собрались сегодня к подножию памятника того человека, бранные останки которого 16 лет тому назад, глухою зимнею порой, здесь, на этом священном и историческом теперь месте, мы исполняя наш последний долг, с сокрушенным сердцем предавали холодной земле — к подножию памятника нежданного гостя Елисаветграда, Виктора Ивановича Григоровича .

Внезапно и неожиданно Григорович оставил нас, как внезапно, за немного недель пред тем, покинул он и Университет свой, и Одессу, чтобы, по воле Провидения, обрести смерть вдали от нее, и смерть настоящую, упокоение от мятежа, волнений. Холодная могила приняла, замерзлая земля простучала и — закрыла на веки того, кто всю свою жизнь был одна энергия — в тяжелых поисках одного — правды, которого благородный образ —

Чело сияло вдохновеньем,

Глаза сверкали, глас гремел —

был еще так свеж в благоговейной памяти его учеников и почитателей. Еще недавно он глашал

Хранить пленен святое братство,

Любви живительный сосуд . . .⁵

А теперь ?... Был один прах.

Житейские счета закончились. В обществе стали недосчитывать одного члена, но — кого и какого?

Есть деятели жизни, воспоминания о которых, как часто бы они ни повторялись, надолго еще останутся предметом живого интереса, освежения, ободрения. К ним и принадлежал Григорович.

Пламенный характер и самоотвержение, глубокий, острый ум, упражненный редким образованием, и необыкновенное трудолюбие старого бенедиктинца, все это гармонически соединилось в нем, все это введено было им в дело и создало ему славное имя в науке, в истории нашего отечества. Имя Григоровича — крупная страница в истории Славяноведения. Жизнь его — ряд личных жертв, деятельность — подвижничество необыкновенного ученого, как сразу определили его современники. Таланта, от Бога данного, он не закопал.

Имя Григоровича переносит нас в эпоху сложения университетского Славяноведения. Он был из числа тех четырех избранников тридцатых годов, которым предлежала завидная доля — ввести новую научную систему в сознание родной жизни, выполнить завет наших знаменитых исторических старцев из эпохи предшествовавшей — Румянцева и Шишкова.

Собою Григорович замкнул славную серию тех избранников; но собою открыл он и отход их туда — об он пол жизни, оставив за собою право на первое внимание в летописях науки.

Если его сотоварищи обратились главным образом к детальному изучению еще недостаточно обследованного Славянства и тем обогащали науку, то Григорович, разбираясь в том же архиве тысячелетней славянской жизни, пытался каждый раз, делая свои вклады, проникнуть возможно глубже, в былом Славянства вскрыть идею, в пестрой массе чередующихся явлений выследить руководящее начало или являться с творческою мыслью.

Былое в сердце воскреси,

И в нем сокрытого глубоко

Ты духа жизни допроси.

Сказал однажды старший современник Григоровича, вдохновенный философ Хомяков, обращаясь к родной земле, и в этих словах был как бы дан завет для деятельности нашего слависта, отмеченного также непререкаемым присутствием величайшего блага — искры Божией.

Свидетель своеобразной славянской взаимности от колыбели⁶, воспитанник ополяченного родного дома, затем ополяченных базилиан (в Умани), Григорович, еще юноша, но заявляет о пытливости своего ума, и самостоятельность характера, свою оригинальность.

При первом посещении Одессы, он в восторге от нее, что «и без лексикона в ней можно выучиться языкам⁷, а 18-ти лет оканчивает курс в Харьковском университете. В глазах своих родных он уже готовый чиновник, с венцом высшего образования. Но снаряженный, по обычаю времени и по некоторым особым расчетам, на службу в Петербург, он, уже в виду Петербурга, сворачивает с пути и укрывается в Дерпт, чтобы здесь, в гнезде настоящей для того времени науки, спасти себя для науки, выработать из себя, путем лишений и непрерывного труда, человека науки, пройти настоящий

университет. О своем харьковском периоде он только с сожалением вспоминал, напр. о том, как учил он наизусть лексикон Кронеберга, годами слушая с кафедры чтение басен Крылова с приправою излишне откровенной эстетики. Образовательный элемент был не велик. Очевидно, показания других современников не противоречат этим его воспоминаниям. Привычку же к труду он мог еще вынести из уманской школы базилиан⁸.

Но вот в скромном Дерпте пред нашим беглецом-ослушником широко раскрылись и обнявшая всю Европу философия Гегеля, и рациональные классические студии, с их культом воспитывающей старины; меж них робко, случайно пробивались и славянские вопросы, задевавшие мимоходом пытливого юношу-классика. Он был счастлив за Гегелем, за миром ветхим, и оба эти высоко-образовательные фактора и определили главное направление в ожидавшей его самостоятельной деятельности.

Прошло целых пять лет — не малое пространство времени — в сладких лишениях за работою над собою, выработкою себя — и кто скажет, как долго продлилось бы это отшельничество, эта образовательная школа Григоровича если бы случай не вызвал его к новой, деятельной жизни.

Небольшой кружок талантливых молодых людей приготавлился тогда в Дерпте к профессорским кафедрам. Его составляли между прочим: астроном Савич, медик Варвинский и политико-эконом Горлов. С ними, особенно последними двумя, был близок Григорович, отмеченный уже тогда ими, как талантливый ученый и человек редкого сердца. Когда же в 1838 году Горлов попал в Казань, он и указал местному попечителю, Мусину-Пушкину (1827—1844), на своего молодого ученого друга в Дерпте, как на возможного кандидата на открывавшуюся впервые в Казани кафедру Славяноведения⁹.

Выбор блестящего адепта науки, с широким образованием, был только и возможен для Казани: человек средних сил неминуемо бы затерялся в требовании открывать собою новую науку: Казань в распоряжение своего будущего слависта могла предложить пять-шесть молитвенников славянских. Но ученый «необыкновенного порядка», как Григорович определен был сразу и в Казани, хотя и с недостаточным титулом «действительного студента», нашелся: его спас, вынес на берег его философский ум, помимо талантливости натуры. Давно, еще в Дерпте, проштудированный сухой труд знаменитого чеха Шафарика, под философскою мыслью Григоровича, воскресил «глубоко сокрытый дух» в литературной истории Славянства, обняв частные литературы славян, как откровение народного духа — народного сознания¹⁰. С этим обобщающим характером были оба его первые труда, сочинения на степень кандидата и магистратуры, обработка, различная по объему, одной и той же темы.

Суров был приговор над магистерским трудом министерского критика, старого знакомого и по науке товарища, Прейса, слависта Петербургского университета; Прейс требовал кассации университетского приговора — отнятия магистерства (не достаточность-де материала, повторяемость, при «Философских предубеждениях», темнота изложения). Но прав был старик Востоков, который уже в виду кандидатской работы, и также при официальной ее критике, провидел в авторе, еще студенте Григоровиче, «достойного кандидата на кафедру и, вероятно, не для одной Казани.

Вдали голоса раздвоились. Но на месте, в Казани, первые шаги в науке студента-профессора производили чарующее впечатление, их «чисто оригинальный взгляд на историю славянских литератур — стремление обработать ее в совокупности, показать их взаимодействие¹¹, не допускавшее двоения. Конечно, этому не мало «содействовало и личное знакомство с автором. В решительный момент жизни Григоровича, в начале его самостоятельной службы славянской науке, один из его лучших благожелателей—друзей, новый казанский попечитель, Молоствов, официально произнес о нем знаменательные слова: «это — необыкновенный ученый, посвящающий себя профессорскому званию для достижения личных целей, но человек, страстный к науке, жертвующий всем для нее¹².

Потребовалось немного времени, чтобы эти вещие слова нашли для себя блестящее оправдание. Открывшийся новый период деятельности Григоровича, ею командировка в Турцию и славянские земли (1844—1847), разрешил последнее сомнение во взгляде на смелого новатора слависта, когда он, верный

своей умственной привычке, открыл и здесь, в новой области деятельности, новые пути, а не повторил своих старших сотоварищей, и это при обстановке, почти невероятной для нашего времени. Зато и возвратился Григорович не только могучим славистом, но с запасами науки, которые дали содержание для деятельности и его, и целого ряда ученых, дают и сегодня, а имя казанского путника обезмертили.

Востоков рекомендовал Григоровичу, в оценке его первого печатного труда, восполнение сведений и по истории южных славян с открытием «новых источников». Но творец истории южно-славянской литературы, Востоков, не подозревал, какое действие произведет его ученый совет на страстного исследователя в Казани. Вероятнее всего, Востоков имел в виду выходявшее тогда в свет свое монументальное «Описание рукописей Музея гр. Румянцева».

В то время, как второй корифей современной славянской науки, радушный руководитель, поочередно, старших товарищей Григоровича в Праге, Шафарик, восторженный «величественным творением Востокова — «Описанием», объявил, что в самой России он уже напал на след памятников из эпохи начальной письменности славян: энергический избранник Казани, «поставив изучение истории литературы главным предметом занятий¹³ — область, почти не тронутую его сотоварищами, не удовольствовался работою других, как плодотворна она бы ни была, решил — не ждать «новых открытий» от других, а пойти на них, как только он почувствовал себя, после томительного искуса, несколько самостоятельным¹⁴ .

Эта самостоятельность и открылась с отъезда за границу, в славянские земли.

Наметив для себя не изучение наречий, не этнографию, не историю политическую, а интересы славянской мысли в слове, литературную старину, но в связи с культурными условиями эпохи, Григорович в этой суженной сфере своих научных интересов избрал главным образом одну, но самую кардинальную и темную, область — *initia rerum literariarum*: о начале славянской литературы — ее древнейших памятниках, ее письме и ее орудии — языке¹⁵ . Вот почему, если его старшие сотоварищи свой славянский обход начинали с западного конца, только в мечтах своих лелея мысль о завершении его на недоступной Турции и Афоне, то Григорович, и здесь не повторяя их, начал именно свой славянский путь с нетронутого, дикого Востока.

Но что давало ему право на эту оригинальность? Одного желания было мало. Помимо его натуры, талантливости и характера, заставлявшего его жертвовать всем науки ради, одно важное условие — «усмотренная обширная начитанность и познания», говоря словами казанского попечителя, в донесения министерству от 29 мая 1843 г., классическое образование, знание языков древности и — Византии, «Византийцы, писал он с пути, сделались необходимым чтением, а приобретение способа разуметь их достаточнее — постоянным предметом поисков» (1846 г. в «Кратком отчете»). Недалеко было время, когда и немецкая наука устами одного из своих представителей, изв. Тафеля, произнесет суд о нашем путнике: «*Byzantinorum literarum optime gnarus*»¹⁶ .

Того же требовал и пульс современной науки. «Трудная вещь, писал Шафарик своему другу, Погодину, в Москву, 1 июня 1840 г., напасть на след речей патриарха Фотия и других разсуждений. Только путешествующие ученые могли бы на месте произвести настоящие изыскания»¹⁷ .

С жаркими напутствиями московских славянофилов: Валуева, Хомякова, даже с пучками стихов последнего, Григорович покинул в августе 1844 г. Россию, чтобы из Одессы чрез Константинополь вступить первым на священную почву родины первоучителей славянских, Солуня, а оттуда на Афон и далее в глухую Македонию. Это отважное движение в глубь дикой Турции одиночного русского ученого 40-х годов только что не целая эпопея, к сожалению, из печати вышедшая в укороченном виде¹⁸ . И сегодня там один ужас: а что тогда?...

Вот на пути у Охридского озера, где путешественник открывает живые следы культа св. Климента и других учеников Славянских Апостолов, из-за камней набрасывается на «даскала кур Григоровича,

голема човека» (официальный монастырский на месте титул его), подстерегавший его болгарский «попа» (священник) Йованчо, и наш путешественник, добрый русский¹⁹), с трудом отделяется от этого одичалого эпигона св. Климента.

Еще большую неожиданность приготовил ему Велес турецкий жандарм хватает его за ворот и среди бушующей толпы тащит его к паше «как москова». Едва успокоил наш «даскал» пашу, что он простой «китабчи», книжник, писатель. Переночевав в хане, на заре он бежал.

Но оставим дикую Македонию и проследуем за Григоровичем на Афон, главный центр его ученых интересов, главное гнездо его литературной добычи, но куда давно уже были устремлены пытливые взгляды Добровского, Копитара, в провидении богатых открытий для славянской науки. Здесь не было одичалых «попов», фанатизованных турок: но тем не менее встреча была грубая, на каждом шагу придирки, запасенные рекомендации ни к чему, а главное — ни к чему желанному никакого доступа. Но Григорович с своим девизом — «всем для науки» — не постеснился ничем. «Его пламенная любовь к предмету и самоотвержение, говоря современным признанием гордого им теперь его Университета²⁰, все преодолели, указав, ему особенные приемы для разрешения намеченных задач.

Чтобы сколько-нибудь расположить суровых монахов на Афоне к себе, открыть их сердце, а с тем и доступ к их книжному, мало ценимому ими, хламу в чуланах, чердаках, сырых подвалах, в заваленных всякою дрянью погребках старых башен и, наконец, в библиотеки, он отстаивал все церковные службы с ними, выполнял все надолго памятные ему строгие добродетели и помони ке эпакои, питался только что не акридами, писал для монахов жалостные прошения в России и Константинополь о сборах и тогда уже позволили ему — лазить, рыться²¹. В пирге Хиландарского монастыря он спускался в грязное подземелье, рылся там среди гниющей груды рукописных листков, весь в извести выкарабкался из башни, но с двумя свитками древнейшего кирилловского письма (Поучения Кирилла Иерусалимского, пожертвованные позже нашему Университету, где они составляют сокровище его библиотеки), и тут же на берегу моря начал стирку тысячелетнего пергамена. Но случилось и так, что ему только показывали рукопись, пригвожденную к полу библиотеки большим костью — несколько своеобразная мера охраны собственности.

Но испытания от чужих едва ли превышали те унижения и оскорбления, которые Григоровичу приходилось выносить от своих, но с которыми ему, по несчастной необходимости, пришлось сталкиваться с дипломатами. Уже в Константинополе, при первом вступлении на турецкую землю, его ветрели зверем. «Какоп шут надоумид тебя иутешествовать в такое опаеное время», приветствовал его, с характерным тыкаиьем*, один из средних чяповников посольства. Когда же он предстал пред другаго, тот прпял его, лежа на диване, с ногаии на столе, и едва удостоил нескольких слов.

Одно это характерное тыканье — ученому, магистру и человеку не первой молодости — со стороны своих, правда, чиновников и даже титулованных; показывало ясно, что полагаться можно только на себя. К вящему огорчению Григоровича самое официальное препоручительное письмо о нем Константинопольскому послу от попечителя Одесского учебного Округа, Княжевича, было получено Григоровичем в Одессе без подписи попечителя. Но турецкий прием оказался еще лаской сравнительно с тем, что ожидало его в Вене и все от своих соотечественников: там уже он встречен был с невероятной, холопией грубостью. Мы эти тяжелые воспоминания из недавнего былого воскрешаем не для укора (может быть, все это было в духе эпохи), сколько для того, чтобы сильнее очертить кроткий, высокий нравственный облик смелого путешественника из Казани. Как бы в предвидении всех этих любезностей Востока, попечитель Молоствов, горячий покровитель своего даровитого слависта, всячески добивался для него при отъезде титула адъюнкта-профессора — «который бы, откровенно и предусмотрительно - писал старик в министерство, давал более значения и весу», но тщетно: Григорович так и уехал без веса», без желанного титула, на испытания.

Но никакие физические и душевные испытания не в силах были остановить самоотверженного Григоровича пред научным долгом, долгом совести. Наука, как неослабный стимул, гнала его неустанно

вперед, и привела к результатам, открытиям, которые превзошли самые смелые чаяния; имя смелого слависта, умилая современников, стало неразлучно в истории Славянской науки с эпохой ее крупного подъема, а самое путешествие — эрой.

Полутаинственный Афон, о котором, как о вековой сокровищнице славянской науки, мечтали еще старики Добровский и Копитар, а поэт Коллар отвел ему особое место в своем лабиринте сонетов, стал теперь открытой книгой, важной для историка литературы, культуры и былого Славянства вообще. Григорович вскрыл, отрешил от мрака забвения притаенные памятники старины — тысячи памятников греческих и славянских, целые кодексы глаголиты, кое какие, но крупные, крупницы приобретаю для себя и тем спасая для нас вековую святыню от гибели или практиковавшегося на Горе аукциона— продажи в Англию. Мы говорили о вымытых в море листках. Но кто не слышал о глаголическом четвероевангелии Григоровича, старейшем евангельском тексте, по которому молились наши пращурь?... Его же глаголический собрат, Зографское евангелие, был открыт Григоровичем. С сербским Законником Душана (из XVв.) в руках Григорович стал желанным и для историка, юриста. Других вывезенных рукописей, церковного и светско-литературного содержания (пергаменный Стефанит и Ихнилат), от века XII, XIII и позже, мы не касаемся. Благодарными и справедливыми словами встретил хорватский рецензент второе издание знаменитого «Путешествия»: «не взирая на затруднения от турецкого правительства, пестроту населения и невежество монахов, Григорович собрал свою коллекцию знаменитых рукописей, которые наверное погибли бы, если бы он не спас их»²².

Глухая Македония с соседней Албанией открыла свои тайники, уступающие афонским, но иногда единственные, как напр. кирилловские палимпсесты, с решающим словом в вопросе о времени спроса на глаголицу у славян. Вместе с этим объявились живые следы культа деятелей из школы Свв. Солунцев, как Охридские монастыри, с кое-какими монументальными даже воспоминаниями о той эпохе.

Не без доброй литературной жатвы были и другие, менее классические, для нашего историка слависта области Болгарии. Собранная им на пути из старых церквей, монастырей коллекция рукописей на современном болгарском языке XVI—XVII века (в Рыле, Шипке и др.), драгоценная для историка литературы и языка, единственная в своем роде: она — второе украшение библиотеки нашего Новороссийского Университета. Но не мертвым капиталом явились эти неизвестные до тех пор

памятники в руках их спасителя для науки: изученные по обычаю уже на пути, они позволили проницательному Григоровичу тогда же высказать блестящую гипотезу об органическом развитии современного болгарского языка, исключаящем мысль о воздействии на него одних механических факторов— новейшею наукою блестяще оправдываемую²³. Параллельно с историко-литературными на месте розысканиями шли у неутомимого путешественника-исследователя работы побочные, этнографические, но которые — новый листок в венке научных заслуг Григоровича. Записанные им из уст народа в дебрях Македонии, горах Родопа и прибрежьях Дуная песни, по времени и по достоинству, первый компактный сборник для этнографии болгар²⁴. Но что особенно было интересно для науки, так это наблюдения Григоровича над языком болгар Македонии — открытие носовых звуков (ринезма) в их живой речи, которое впервые дало твердую почву и обоснование для только что тогда являвшейся теории о болгарском происхождении самого церковнославянского языка. Дальнейшие исследования только повторяли первые наблюдения Григоровича.

Но перед нами поучительное явление: тот, кто первый сблизил документально, и в вопросе кардинальном, священный наш язык с языком славянским в Македонии, сам до конца дней своих был исповедником не популярной теории болгарской, а западной паннонской. Это предостерегающее слово не упрямого, но осторожного и тонкого исследователя не может быть равнодушно для науки. Ценны были и всякие другие наблюдения.

Таким образом, целый караван новых для науки коллекций, историко-литературных и этнографических, сопровождал знаменитого теперь Григоровича, когда он наконец на румынском берегу Дуная у Джурджева оставил за собою Турцию. Окончился, по классическому выражению самого Григоровича,

его «солдатский поход». Под старость лет так он называл, и истинно верно, свои турецкие злключения. Первое поздравление по сю сторону Дуная ожидало его оттуда, откуда он еще недавно вынес одни терпкие воспоминания, но теперь уже «почтеннейший г. Григорович» — из Константинополя, «Ныне мне, собственноручно писал ему посол, Титов (26 августа 1845), в Букарешт, но назвав его Иваном Викторовичем, истинно приятно поздравить вас с избавлением от трудов и частью даже опасностей, которым вы подвергали себя из любви к науке. Вы богато вознаграждены посещением мест, доселе почти недоступных, и запасом редких материалов».

Поздравлять можно было с чем, без преувеличения говоря, ни одна экспедиция не приносила для науки таких крупных результатов, как одиночная экспедиция добровольца Григоровича: ибо в нем кипела жизнь науки, беззаветная преданность одной науке, а сверх того — полная подготовка к делу, какая редко у кого встречается. Самое же поведение об этой экспедиции, как ни урезано оно было в своей печатной одежде, заняло, не только в русской науке, но и в богатой науке Западе, почетное место: и сегодня правдивая и богатая наблюдениями книга Григоровича не забыта и там; свидетельства ее принимаются с ²⁵полною верою; от них выходят даже современные политики .

Но открытия и труды редкого избранника науки не окончились с концом «солдатского пути». И Румыния ждала его с своими дарами, с своими интересами, которые, как верно понимал он, имеют широкое применение в Славянской науке. Не говоря о славянских памятниках средней эпохи в истории румын, грамотах, он, русский путешественник, открывает первый, т. е. старейший, текст румынского языка и литературы светского содержания - Летопись Моксы (перевод с болгарского языка) от начала XVII века (в Быстрицком монастыре в Валахии), благодаря своему прекрасному знанию

румынского языка, первая школа которого была у него еще в Македонии среди куцо-влахов, благодаря своей пытливости и преданности науке. Мало того, в самом примитивном румынском обществе того времени Григорович не упустил сделать попытку пробудить интересы к науке, к своей собственной истории, столь тесно связанной с славянской, почва для того, понятно, была еще слабо подготовлена, да и румынское общество было уже занято более серьезным, чем наука, делом — фанатическою чисткою своего с оригинальною историей языка от его исторического ингредиента — славянского элемента. «Обещанные вами сведения, писал ему консул А.А.Дашков из Букарешта в Прагу (декабрь 1846), поясняющие древние события валахского народа, а в особенности относящиеся до церкви и его истории, без сомнения будут приняты здесь с признательностью. Очевидно, Григорович в Букареште поспешил поделиться своими важными открытиями в Вене, о которых речь будет сейчас ниже. В Рагузе (Дубровнике) Григорович учится «иллирийскому языку» у некоего Мариновича, заплатив ему за уроки, к неопisanному его восторгу, целых пять гульденов, и добывает порядочную рукописную коллекцию далматинских писателей XVI- XVIII столетий, не без участия предварительного знакомства с известным итальянским, и в тоже время хорватским поэтом и политиком, Томасею, который еще в Венеции помог ему в пользовании знаменитым архивом бывшей республики ²⁶. Новые рукописи — предмет зависти самого Загреба,

Можно сказать, что каждый шаг Григоровича в каждом новом краю его исторического объезда юго-востока Европы, как бы ни был различен он своею культурою, от Афона — Македония и до копитаровой Вены, где он с понятною «трепетною радостью» (по его личному признанию) отыскивает громадной исторической важности фолианты «Протоколов» церкви Нового Рима, синодов Константинопольского патриархата, освещающих любопытные зачатки самостоятельности румынской церкви— ознаменовывался открытиями. Но мы также каждый раз не должны забывать, как не легко давались ему все эти вклады в науку, каких томительных трудов стоило великому исповеднику науки каждое его открытие. Так, масса предварительного труда положена была им в придворной библиотеке в Вене, прежде чем посчастливилось ему открыть «с трепетною радостью», как доносил он в министерство, знаменитые «Протоколы». Пред нами одни результаты; но самый процесс работы мы забываем легко.

Наконец, наш путник у тихой пристани, в Праге, у великого чеха — Шафарика, делится с ним своими наблюдениями, сведениями, знакомит его и с своими литературными сокровищами славянской старины, на сколько это было возможно так как турецкий караван его, с его кодексами и отрывками, с дороги был

выправлен в Казань, разновремененно: большинство отсылок прошло из Константинополя, благодаря участию посла, недавно скончавшегося В.П.Титова, официальным путем чрез правление Ришельевского Лицея в Одессе, но при содействии возвращающихся тогда в Россию казанских товарищей — ориенталистов: пок. Дителя и г. Березина Можно было повторить с нашими старыми книжниками, что не радовался так жених о невесте, как рад был Шафарик своему Григоровичу, его славянским урокам, следы которых ясны в современных трудах корифея славянской науки²⁷: уроки скромного русского ученика скромному чешскому учителю — картина эта говорит много.

С 1847 годом путешествие было у конца. Но Григорович все продолжал жить мыслями о Турции и рвался туда. Безспорно, беседы с Шафариком могли питать еще неудовлетворенное его чувство, и он остановился теперь на смелой мысли — из Праги своротить не в Казань, а назад, и прежде всего в Албанию, заполнить изучением албанского языка крупный пробел в самой европейской науке, т. е. и здесь быть в той же, роли инициатора, а затем повторить визит к историческим монахам: мог ли Григорович равнодушно вспоминать, что на Афоне он оставил, например, нетронутую зографскую гдаголиту, успев ее лишь зарегистрировать, а не открыть для науки, не говоря о других святогорских магнитах?... Албанский же язык занимал его еще в Македонии; но узнать его, хоть несколько, было для него «тщетным старанием», как не без сожалений он признается в своем первом отчете²⁸. Высокой нравственной опорой в этом новом смелом предприятии Григоровича был сам Шафарик, весь поглощенный соображениями казанского путешественника. Мы равнодушно не можем себе представить, что дало бы в общий оборот науки это возвратное путешествие Григоровича в Турцию, не новичка, но уже своего в ней, прекрасно подготовленного; а личная не ослабшая самоотверженность — залог успеха. Для науки открывалась новая богатая жатва... Но — тщетно поддерживал смелый и богатый план своим высоким авторитетом и самым горячим, убедительным словом сам Шафарик, подымая своих русских друзей в интересе его быстрейшего выполнения²⁹. План остался предположением, а Григорович вместо Албании и Турция должен был поспешить в свою Казань, к своим рукописным сокровищам. «²/14 марта Григорович, пишет не без грусти Шафарик Погодину, двинулся чрез Лейпциг, Берлин, Штетин, Петербург, Москву в Казань, напрасно прождав здесь бумаги из Петербурга» (344). Посланные Григоровичем рукописи Погодину, для задобрения, пользы не принесли. Русская наука потеряла, но кто скажет — что?... А счастье — было ведь так близко! Можно предполагать, что причина, почему Министерство оставило без всякого внимания мысль о втором путешествии Григоровича в Турцию, не смотря на благословение и горячую поддержку ее со стороны такого авторитетного для Петербурга лица, как Шафарик, кроется в разыгравшейся тогда так несчастно киевской истории Костомарова и г. Кулеша. В своей периферии она задела и нашего странника: в то время как и у г. Кулеша была отнята командировка в славянские земли, Григорович был вытребован из Берлина прямо в Петербург. Граф Уваров, чтобы убересть заслуженного работника науки от неприятного знакомства, засадил его за составление первого отчета, который и был написан им быстро: «я, вспоминал старик, не выходил из своей гостиницы целую неделю, написал, подал и был сейчас же направлен в Казань»³⁰.

Разобраться в своих богатых наблюдениях и материалах и познакомить с ними возможно полнее и быстрее ученый мир — вот та естественная задача, которая ожидала Григоровича в Казани. До сих пор это знакомство имело более семейный характер, напр., в Праге, и ограничивалось немногими памятниками и вопросами³¹. С азартом, нетерпением ждал ученый мир выполнения этой роковой задачи, не выключая и родного Университета, который публично объявлял, что он ждет от Григоровича «изысканий важных и любопытных»³².

Но всеобщие страстные ожидания не могли быть удовлетворены в той мере, как этого ждала наука и как этого, без сомнения, желал сам Григорович. В своем казанском заточенье Григорович наткнулся сразу на непреодолимые преграды — в примитивных средствах печати. Академия еще не открывала своих славянских изданий, а единственный тогда ученый орган для издания славянских текстов, буде он пожелал бы дать место, знаменитые «Чтения» Бодянского, только что был закрыт; а затем — последовал вынужденный визит Григоровича в Москву на смену опальному Бодянскому в университете, стоивший ему трех лет беспокойства и тяжелых волнений, а в завершение всего — чрезвычайная строгость

духовной цензуры после 1848г. Известно, что знаменитое Остромирово Евангелие, вышедшее еще до революционного года, увидело свет только по личному вмешательству великого святителя Москвы. Один пример: изданные Григоровичем в 1862 г. знаменитые Паннонские Службы лежали в цензуре 10 лет. А сокровища Григоровича, ожидавшие на первом месте своего выхода в свет, все были тексты церковного языка.

Таким образом, в то время как внимание образованного славянского мира было обращено на Казань, с тревогой ожидали все оттуда откровений: обстоятельства места и времени создали лично для Григоровича невыносимое положение. Но, не подозревая их, естественно, мало сведущий в русских отношениях Шафарик, как тень или ревнивый любовник, из далекой Праги преследовал Григоровича, добиваясь от него его глаголиты. «Как бы вы, молит он друга Погодина (в 1848), заставили Григоровича издать свои литературные сокровища». «Что делает Григорович с своими рукописями, своими сокровищами?», спрашивает он также почти в каждом письме³³. Конечно, взаимности добиться не мог. «Григорович, жалуется он в 1852 году, как бы намеренно укутался в мантию молчания»³⁴, и в раздражении бросает незаслуженный попрек вынужденному молчальнику, что он намеренно утаивает свои богатства, не желает с ними делиться, сделать их известными в науке³⁵.

Шафарик не мог ориентироваться в своеобразных условиях тогдашней русской жизни, но мог, конечно, понять положения, души Григоровича. На неумолкаемый штурм из Праги Григорович отмалчивался, и сетование продолжалось. Впрочем кое-что было сообщено в Прагу. Упрекам, заподозрениям Шафарика счел полезным вторить и Погодин в Москве, человек, который, во всяком случае, мог понимать положение дел, который сам тогда же рекомендовал себя Шафарику (в письме от 20 Февраля 1850), как «привыкшего несколько различать по приметам времена и лета», мог разобраться в обстоятельствах нашей темной жизни — во «временах тяжких и мудреных», как они обзывались иногда даже у того же Погодина (к Шафарику, 2 августа 1850), и усугублял прекарность положения неповинного Григоровича. «Письмо ваше к Григоровичу, пишет он не без самодовольства Шафарику 8 апреля 1852 г., я отправил и старался всеми силами пристыдить его за медленность и косность». Григорович и — косность! Какая игра, ирония судьбы!...

В сознании своей чисто трагической беспомощности откликнуться желанным делом на требования науки и завершить свои монументальные открытия своими работами - созданием эпохи своего имени, Григорович не мог не выработать классического по смирению для себя титула — «смиренного гамала, носильщика науки», титула, который в разных перифразах («чернорабочий, «рядовой» и др.) повторяется у него до конца жизни. Но едва ли он сам верил в справедливость прибранного им для себя чрезвычайного титула... Мы помним хорошо сетования пок. Срезневского, слышанные нами лично, на посещения у него Григоровича, как он перед ним позволял себе садиться только на кончик кресла³⁶ ...

Переносясь в те времена и соображая указанные неблагоприятные для русской науки условия, мы можем глубоко скорбеть — что намерение Востокова, этого восприемника Григоровича при купели науки (как это мы видели выше), но заявленное им уже у порога смерти, именно Григоровичем заместить себя, свое кресло, в Академии Наук, не имело места раньше, лет десять назад, в эпоху самую тяжелую для казанского слависта, когда он собирался открыть свои публикации. Встреченная теперь злою оппозицией акад. Билярского, мысль Востокова тогда бы, вероятно, увенчалась успехом. Какая же перспектива открывалась тогда для славянской науки?! Если же Востоков остановился на Григоровиче, если он как бы завещал ему продолжать в науке себя: то нам ли обосновывать права избранника Востокова на признание науки, права на благородную память потомства!... Высшего признания, как признание Востокова, в научных интересах известного порядка, не может быть³⁷.

Итак, эпоха ожидавшихся крупных дел для заточенного в Казани крупного слависта сформироваться не могла. Но Григорович остался Григоровичем, не косным, а явным, и неблагоприятные условия для дела издания своих рукописей не воспрепятствовали ему по прежнему являться пред наукой глашатаем крупных мыслей, т. е. продолжать свой обычай.

К таким новым свидетельствам глубокого ума Григоровича и понимания им науки относятся его мысли о высоком историко-политическом значении самого языка св. Кирилла, этого исторического объединителя в нашем былом, в то же время связующего и возвышающего нас своею ролью в исторической семье арийских народов, его мысли о начальном славянском письме, его попытка к генетической систематизации церковнославянской письменности, — его мысли об изучении церковнославянского языка до появления первой грамматики его. Небольшие, но содержательные, всегда с мыслью, эти труды основывались исключительно на келейном изучении автором своих сокровищ. В этих работах, говоря его языком, раскрывались новые виды для науки³⁸. Для установки взгляда на них достаточно указать, что история знаменитой теории Шафарика о славянском письме — о принадлежности глаголицы Св. Кириллу — идет от казанских мыслей Григоровича³⁹.

Мы видели, как давно уже глубокое знание Византии отличало Григоровича. Открывши в Вене «Протоколы Константинопольского патриархата», Григорович тогда же заметил, что «византийские источники истории славян еще не совсем исчерпаны»⁴⁰. Продолженное Григоровичем изучение византийцев и своих греческих памятников в период тихой, но плодотворной, преподавательской деятельности в Казани, или, выражаясь его языком, деятельности «передавателя науки», вполне оправдало это замечание и стало отправною точкою для нового направления в работах над историей южных славян — о совместном, но строгом, не романтическом, изучении Византии и православного Юга, стало требованием научного построения местной истории.

Результат этих славяно-византийских студий и вместе о том как модель для своих последователей, Григорович предложил в речи о Сербии в XIV столетии, представители которой, в период самостоятельности, были «развращены всеми пороками Византии»⁴¹, а позже, в эпоху турецкую, игрушкой в руках ловкого ловца народов, иезуитской Австрии, этой новоевропейской Византии. Если кто когда-либо напишет историю многострадального сербского народа, от XIV по XVIII столетие, то именно по программе Григоровича, при его освещении событий.

Наконец, Григорович в Одессе, которая видела его ребенком и так своеобразно полюбила ему, освящает своим авторитетом науку в новом ее питомнике, открывает, так сказать, науку Новороссийского Университета; но и в этот, последний, период своей деятельности он является с тем же творческим духом.

Как человек глубокого гуманного образования, Григорович несся на Юг, с сладкими мыслями о том, как он наукою урегулирует угловатые отношения соседей между собою, своих старых, любимых знакомцев: славян, греков, румын, сгладит их взаимные шероховатости. В этих интересах была написана им для Университета знаменитая первая актовая речь — о Константинопольском патриархе Николае Мистике, из начала X века, о его сердечных отношениях к Болгарии того времени: делая предостережение по адресу одной и другой враждующей стороны, историк как бы желал предупредить готовившуюся бурю, предотвратить схизму. Мечтал он и о том, как пробудить в Обществе Одессы и Юга широкие симпатии к местным изучениям, среди которых ему грезилась возможность даже отыскать «лапидарные памятники из эпохи до Кирилла, которые носились пред ним уже давно, еще в Казани, когда (в 1852 г.) он высказался, что Кирилл — изобретатель глаголицы, и как новый свет озарит темные века нашего Юга, исконного культурного питомца Византии, объяснит «культурные вопросы о землях, прилегающих к Черному морю» (в предложении о командировке Билярского, в 1866г.) Много, много сладких грез принес он с собой в свой новый Университет, с много говорящим, дающим целую программу, именем — Новороссийский», именем, которое мало общего имеет с его вульгарным титулом... Но он скоро разочаровался и горько сетовал на «поганное равнодушие, приправленное иронией», на «испытанное жестокое отчуждение», на разных «благообразных преемников» печенегов, половцев⁴². (Ср. «Из летописи славянской» конец). Да, любопытно: повсюду: в Дерпте, Москве, Казани, его провожала любовь, из одной Одессы, своей Одессы, он почти бежал... Но каково бы ни было его душевное состояние, он не презрел завета науки, обета всей своей жизни, и работал, работал, самолично исследуя географию края, его древности, его этнографию, язык, побуждая к той же работе всяких людей малых —

духовных, народных учителей всего Новороссийского края. Самая смерть застала Григоровича за попыткой открыть науке доступ к наиболее замкнутому элементу Юга — к староверам, но которые в глазах его были завидными обладателями славянской литературной старины...

Мм. Гг.

Воскресил ли виновник сегодняшнего торжества, В. И. Григорович, сокрытую во мраке былого жизнь, дух нашего племени, его историю, его слова, конечно, в пределах, доступных деятельности единичного человека, — на вопрос этот, позволяем себе думать, история славянской науки может дать один ответ — положительный. С убеждением исповедуем, что и половина того, что сделано было для науки Григоровичем, была бы достаточна для увековечения в потомстве памяти о нем, об этом возвышенном и благородном деятеле нашей земли, что духовный облик его долго и долго носиться будет пред лицом грядущих поколений.

Позволяем себе думать что как долго будет жив хоть один язык славянский, не изсякнет признательное чувство к виновнику сегодняшнего дня, а энергический и симпатический образ отважного исследователя и идеального человека науки, окруженный ореолом трудового величия, пребудет источником воодушевления и подражания для работников науки среди нарастающих поколений, а самых трудах их — надежным кормчим.

Имя избранного сына южно-русской земли, волею судеб бездомного странника и почившего даже смертью скудельничьей вблизи своей колыбели, крупными «резами» начертано на страницах истории отечественной науки, в трудную эпоху ее сложения, а наш скромный памятник—дело медного, трудового гроша⁴³ — будет скромно свидетельствовать, что если обыкновенно людские отношения регулируются тяжелым, но от века соблюдаемым, правилом: несть пророк без чести, токмо в отечествии и в рождении своем, — то тем не менее бывают и отрадные уклонения, что имеет место временами и наступление моментов, которые отвечают нравственному чувству и его умирляют.

Твердо верим, что к скромному памятнику не зарастет народная тропа, хотя в виду его и нельзя еще произнести: «делатель, достойный мзды своя»!...

Памятник В. И. Григоровичу
Ф.И. Успенского.

В конце 1876 года скончался в Елисаветграде старый профессор, незадолго перед тем получивший отставку. Несколько благодарных учеников и почитателей присутствовали при его погребении и отметили деревянным крестом его могилу. После умершего остались книги, бумаги и др. предметы, представлявшие некоторую ценность, да сверх того много мыслей, рассеянных за многолетнюю профессорскую деятельность в разных местах, последние впрочем не имели никакой цены на рынке. Прошло после того 10 лет, и вот ныне мы присутствовали при торжестве открытия памятника покойному профессору, а в настоящее время собрались сюда и в торжественном настроении готовимся почтить заслуги его. Что произошло в течение периода от смерти упомянутого профессора? Разве оказались за ним подвиги и доблести, о которых прежде не знали?

Что придает особенную знаменательность тому, что происходит на ваших глазах, Мм. Гг., это внутренний смысл всего торжества. Позвольте быть мне истолкователем не всем доступных явлений, которые пришлось мне наблюдать. В самом деле, по смерти В.И.Григоровича случились замечательные факты. Когда он умер, когда уже тело его покоилось на елисаветградском кладбище, стали обнаруживать признаки реальной жизни те самые идеи, которые он излагал изустно или записал на бумаге. Брошенные им мысли и слова начали влиять на деятельность его почитателей и учеников и направлять их самосознание и внешнее поведение. Сила этого воздействия мыслей и идей Григоровича получила такое напряжение, что неминуемо должна была выразиться во внешней форме. И мы, участники нынешнего торжества, находимся под влиянием этой силы.

Итак, можно утверждать, что отличительный характер нашего торжества состоит в признании жизненной силы за мыслями и идеями Григоровича. С одной стороны мне представляется скромная фигура Виктора Ивановича, застенчивого и робкого в сношениях с людьми, не любившего пышности и избегавшего быть на виду, — с другой вижу величественный образ, который мы наблюдали сегодня на кладбище. Этот второй образ представляет Григоровича в его обладании той нравственной силой, которая подобно драгоценному металлу удерживает свою ценность независимо от моды. Григорович был могуч тем, что носил в душе высокие идеалы, что ум его обиловал живыми идеями. Сам питая глубокую веру в торжество идей правды и добра, он сообщал другим живую веру в идеалы, — этим он привлекал к себе учеников, в этом же объяснение смысла нынешнего в честь его торжества и воздвигнутого ему памятника.

Первая мысль о памятнике Григоровичу зародилась на месте его погребения, среди тех лиц, которые окружали его в Елисаветграде. Но сколько добрых намерений остается без исполнения и как часто самые хорошие мысли встречают непреодолимые препятствия на пути к осуществлению! Здесь однако этого не случилось. Небольшая сумма, собранная на памятник, переходит от С. И. Турчанова к его преемнику по должности, от М. Р. Завадского к ректору Новороссийского Университета. Так проходит почти 15 лет. Казалось, память о Григоровиче с годами должна забываться; но завещанные им в наследство идеи поддерживали память о нем и в стенах Университета.

В 1890 году Новороссийский Университет праздновал вместе с годовщиной своего основания двадцатипятилетие своей жизни и деятельности. Оглядываясь назад и делая оценку пережитого периода, Университет не мог не признать, что Григорович был громадной силой, оставившей добрые предания, которые и доселе живут в Университете. Эта мысль выражена в юбилейной актовой речи, посвященной воспоминаниям о Григоровиче, как об одном из наиболее видных представителей профессорского сословия за истекший период жизни Университета. Вскоре затем Историко-филологическое Общество при Новороссийском Университете, считая вопрос о памятнике Григоровичу уже довольно назревшим, приступило к организации сил для этой цели. По ходатайству Г.Попечителя Одесского Учебного Округа, Министр Народного Просвещения разрешил сбор пожертвований на памятник профессору Григоровичу в Одессе, Казани и Москве. Таким образом дело получило движение, и дань признательности к заслугам покойного могла осуществиться в желательном виде.

Успешное начало сопровождалось благоприятными последствиями, разумею отзывчивость лиц и учреждений на воззвание филологического общества. В свое время будет напечатан отчет о сборе пожертвований и потому здесь можно не касаться подробностей. Но не могу не остановиться на следующем. Благодаря содействию Г.Попечителя Одесского Учебного Округа, сбор пожертвований проник в ту среду, участие которой в создании памятника придает ему особенно симпатичный характер, если бы в пожертвованиях не участвовали преподаватели сельских школ, которым Григорович давал, как известно, важное место в будущей организации географических и этнографических изучений, то в памятнике не нашла бы выражения совокупность идей Григоровича. Далее, если бы в сборе отсутствовали двухкопеечные и трехкопеечные взносы, то памятник недостаточно бы выражал идею коллективности, на которой покойный так настаивал и которой приписывал громадное значение. Те «тяглые люди», «бедные труженики» и «истые туземцы» — хранители преданий земля, к которым он советовал обращаться за собиранием сведений, внесли также свою лепту и тем придали памятнику новую черту соответственно эпитету, который, как известно, Григорович прилагал к себе: «чернорабочий», «тяглый».

В списке жертвователей более видное место занимают университеты: одесский, казанский и варшавский, казанская духовная академия, затем средние учебные заведения казанского, одесского и кавказского учебного округа. Елисаветграду принадлежит самостоятельное и почетное в этом отношении место. Местный комитет по сбору пожертвований проявил такую энергию, которая превзошла ожидания общества. Считаю уместным назвать здесь имена лиц, содействию и помощи которых мы обязаны благоприятными результатами. Это попечители учебных округов: Х.П.Сольский, П.Г.Потапов, К.П.Яновский; профессора Н.А.Осокин и А.И.Смирнов; протоиерей Ф.С.Еленевский, А.Н.Пашутин и В.Н.Ястребов.

При живом сочувствии, с которым всюду встречены были возвания Историко-филологического Общества, можно было бы довести сумму сборов до гораздо большей цифры. Но постигшее в прошлом году Россию бедствие неурожая заставило приостановиться с мерами к усилению сборов. К тому же Историко-филологическое Общество разрешило покрыть из собственных средств могущий оказаться недостаток сумм на исполнение памятника. Наконец, одесский художник скульптор Б.В.Эдуардс изъявил согласие исполнить по одобренной модели все работы по сооружению памятника на таких условиях, чтобы общество уплатило ему за материал и труд рабочих, а чтобы личный его труд, в виду цели памятника, принят был безвозмездно.

Вот в кратких чертах история происхождения: памятника В.И.Григоровичу.

Вы могли заметить, что в этом деле участвуют люди разных общественных положений и состояний, начиная от профессоров высших учебных заведений и кончая преподавателями и учениками сельских школ. И тем, кто принимал участие в пожертвованиях, и тем, кто предлагал свою помощь или личный труд руководила одна мысль — уважение идей, которым служил и какие проводил в жизни Виктор Иванович. Созданный вашими совокупными усилиями памятник представляет результат коллективной работы лиц, принадлежащих почти исключительно к учебному ведомству.

В то время как здесь, в этом провинциальном городе, память о Григоровиче достигла высшего своего напряжения и материализовалась в мраморе, в то время как мы чествуем его в нашем собрании, доносятся из отдаленных сфер ответные звуки на наше торжество. Старательными трудами почитателей Григоровича выделяются из под груды пыльных бумаг высказанные им слова и мнения. В «Истории Казанской Духовной Академии» и несколько страниц, посвященных Григоровичу, рисуют его волшебником, очаровавшим академическое юношество лекциями по палеографии. В последних книжках журнала «Славянское Обозрение» помещены две статьи, открывающие новые симпатичные черты в деятельности Григоровича. — Словом, наше местное торжество находит отклик в отдаленных концах России.

В чем же притягательная сила Виктора Ивановича? — В некоторых письмах, полученных Историко-Филологическим Обществом от почитателей Григоровича, говорится, что покойный владел таким обаянием, которое создавало ему своего рода культ среди учеников. И это говорится не ради красоты

слога. Безкорыстное служение науке, которую он ставил выше личных интересов и которой отдавался безраздельно, возвышало его между товарищами по профессии как жреца над толпой. Священный огонек, без которого суетно звание профессора, в Григоровиче горел полным блеском и сообщал его окружающим. Нося сам в душе высокие идеалы, он уделял «из богатой сокровищницы сердца своего» благие уроки и поучения и был из тех праведников, заслуги которых обеспечивают царство науки от гибели.

Оценивать значение Григоровича значит выяснять его идеи, в которых была его главная сила. Мы видели, например, что его лекции по палеографии в казанской духовной академии имели необыкновенный успех и оставили сильное впечатление. Как это понять? — Очевидно, профессор умел одухотворять сухие и отвлеченные предметы, находить живое содержание там, где другие не видят ничего, кроме мертвого безжизненного материала, идеи Григоровича частью уже обращаются среди его учеников и почитателей и сделалось обиходными до такой степени, что трудно проследить их родословную. Такова живая идея национальности или народности, почерпнутая им в изучении славянской филологии и литературы, придавшая громадный интерес его исследованиям в этой области и одухотворившая его кропотливые розыскания. Очень также богата последствиями и выводами из нее идея типических особенностей славянского племени и общечеловеческих идеалов, в разработке которых славяне принимают участие. Христианству и церковнославянскому языку он придает значение устоев, которыми держится славянское племя. Христианство, говорит он, как источник индивидуального и народного просвещения, поставило славян в ряду народов трудящихся для человечества, связав их с древними и новыми цивилизованными племенами. Церковнославянский язык составляет залог непоколебимости и твердости наших общественных начал, условие славянской взаимности и стимул к общечеловеческому развитию. Это воззрение на церковнославянский язык и христианство объясняет ту любовь и пылливость, с которыми он разыскивал следы жизни и деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия. В высшей степени симпатична, далее, идея об особенностях русского просвещения, которое должно давать место частным направлениям и, не подавляя их, возвышаться над ними пробуждая высшие потребности. Поставив науку посредницей в явном или скрытом споре народностей, русское просвещение, говорит Григорович, знаменуясь терпимостью, придаст русскому языку ту необходимость, какую приобрели некоторые европейские языки. Наконец, глубокое значение имеет идея местных изучений, предлежащая провинциальному Университету. — Мысли Григоровича в этом направлении и до сих пор составляют еще возвышенный идеал.

Мы участвуем сегодня, Милостивые Государи, в идейном торжестве, и этому нельзя не придавать громадного общественного значения. В профессоре Григорович нас привлекает именно то, что на рынке не стоит в высоком курсе: возвышенные идеалы, вера в силу науки, гуманность. В наш век эгоизма и господства материальных интересов, которые угрожают подавить проблески духовных потребностей, торжеством в честь профессора — идеалиста не возвышаем мы голос за утраченные идеалы? — Не дай Бог, чтобы оскудела русская земля светлыми идеями, что бы изсыкли они в особенности в той среде, где сосредоточивалась деятельность Григоровича, — в наших воспитывающихся молодых поколениях!

В. И. Григорович и его значение в истории русской науки.

А. И. Кирпичникова.

Пятьдесят лет назад, в октябре 1842 года⁴⁴, в Казанском университете, на словесном факультете происходил очень интересный магистерский диспут. Магистрант был еще совсем молодой человек, всего 27 лет от роду, но уже не новичок в науке: он успел побывать и поработать за границей⁴⁵; еще в 1840 г. он представил обширное кандидатское сочинение⁴⁶, которое факультет, не смотря на противодействие одного из самых влиятельных членов своих, признал не только вполне удовлетворительным, но и достойным печати, а в следующем 1841 году был напечатан в «Ученых Записках» университета его труд: «Краткое обозрение славянских литератур. Студенты филологи, тогда довольно многочисленные, хорошо знали магистранта, так как он с 1839 года, за отсутствием профессора, преподавал им один из основных предметов факультета, греческий язык, знали его за человека несомненно ученого, страстно преданного

науке и ожидали диспута с большим интересом. До них дошли слухи, что профессор русской истории Иванов, человек очень бойкий и самоуверенный, известный говорун и искусный диалектик и насмешник, намеревается «отделать» магистранта, который, при всей своей учености, отличался крайней ненаходчивостью, застенчивостью и робостью, говорил плохо и даже не совсем чисто по-русски: он родился в Юго-Западном крае, и хотя был воспитан в православной вере, но на польском языке: по-польски говорил он в семье; исключительно по-польски говорил он в базилианской школе, где получил среднее образование. Профессор Иванов прекрасно знал слабые стороны магистранта и, без сомнения, был уверен в своей победе. Иванов встречался с ним в Дерпте (где они вместе учились) и даже был ему обязан: будущий магистрант, тогда еще действительный студент Харьковского университета, перевел диссертацию Иванова на латинский язык; это было, может быть, одной из причин нерасположения Иванова к молодому ученому: известно, что самолюбивые люди иногда более оскорбляются услугой, им оказанной, чем неприятностью, им сделанной. Иванов был тот самый влиятельный член факультета, который возстал против признания кандидатской диссертации молодого слависта. В этом случае, впрочем, он действовал не только из личной антипатии, но также и из принципа. Иванов принадлежал, по-видимому, к числу тех скептических умов, которые не любят никаких новшеств в науке, часто потому, что сами слишком мало работают над нею, а молодой ученый выступил в кандидатском сочинении именно с защитой (хотя и не безусловной) новшества: так называемой паннонской теории; да и самая кафедра, которую готовился занять он, была в то время тоже новшеством в русских университетах, и если она возбуждала особенно теплое сочувствие в лучших, передовых людях, тем более косились на нее люди отсталые и ленивые. Еще более оригинального и нового было в той диссертации, которую молодой славист должен был защищать в октябре 1842г. Она называлась: «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах», Это было «первое ученое сочинение в России о славянской литературе с точки зрения славянской взаимности»⁴⁷, первая попытка «осмыслить отдельные факты славянской истории и литературы и показать необходимость их и логическую последовательность»⁴⁸. В этом «опыте не только русская и польская литературы рассматривались параллельно, как части одного целого, но и сопоставлялись литературные факты, принадлежащие таким народностям, за которыми до сих пор не признавали никакой литературы. В нем самое понятие литературы определялось по новому, и автор пользовался таким материалом, который до тех пор совсем не считался литературным, а разве только палеографическим. Понятно, почему проф. Иванов, который и мнение Копитара считал предрезостным, шел на диспут с намерением жестоко казнить новатора, а так как силы для борьбы были далеко неравные, да и самое положение оппонента несравненно выгоднее, вполне естественно, что и публика была заранее уверена в посрамлении молодого слависта.

Но на диспуте произошло нечто совершенно неожиданное и, надо думать, до тех пор не бывалое. Не то, чтобы магистрант обрел внезапно дар слова и смелость; напротив, он путался и заикался, наверно, гораздо больше обыкновенного; не то, чтобы проф. Иванов проявил неожиданную кротость; напротив, он так и осыпал своего противника ядовитыми сарказмами... Но Иванов показывал свою диалектическую ловкость, придирался и острил, а магистрант говорил дело, и в словах его была такая сила убеждения и в доводах столько знания и научной добросовестности, что, по словам очевидца, диспут окончился полным торжеством магистранта и решительным поражением Иванова, и молодой славист «сразу завоевал себе уважение и симпатию студентов»⁴⁹).

Этот молодой славист был Виктор Иванович Григорович. Факт, мною сейчас рассказанный, в то время вне Казани, конечно, не обратил на себя ничего особого внимания, важный в личной жизни Григоровича, которого удачный диспут ободрил к дальнейшим работам в том же направлении, этот факт отдельно взятый, не представляется и теперь крупным историческим фактом, но, сопоставленный с другими, он оказывается характерным признаком времени и является показателем новой ступени развития нашего общества, моментом закрепления серьезной науки в русских университетах.

Как известно, на Руси наука была водворена главным образом с педагогическими целями; были вызваны заграничные ученые, чтобы из российского юношества образовать
Собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов.

Понятно, что на первое время в нашей некультурной стране умение передать небольшое количество сведений должно было цениться выше, нежели обладание большими знаниями без умения передать их.

Исключительно с педагогическими целями основаны и первые русские университеты; от профессоров их требовалось конечно, солидное общее образование и достаточная подготовка по своему предмету, но не требовалось особенной глубины учености и упорно всю жизнь продолжающейся работы над специальностью. Если кто предьявлял большое усердие к науке, копил библиотеку, печатал томы трудов своих, начальство, разумеется, ничего не имело против этого и даже поощряло такого труженика наградами; но это вовсе не было обязательно: начальство, по крайней мере, в такой же степени ценило и награждало и такого профессора, который, составив при начале своей педагогической карьеры «курс», читал его из года в год без изменения, а свое свободное время употреблял на труды чисто литературные или на исполнение каких-либо административных обязанностей. Часто профессор даже и курса не составлял, а прямо или излагал, или читал на лекциях чужой учебник, и это не только никого не шокировало, но считалось самым простым и обычным делом: в XVIII в. и в первых десятилетиях XIX-го профессора Московского университета обязаны были сообщать начальству, по каким именно руководствам читают они свои предметы.

При таком положении дел нечего и удивляться, что один и тот же профессор мог преподавать русскую словесность, и высшую математику, и латинский язык, и это было вполне естественно, когда в университет в большинстве случаев поступали почти мальчики, которым о серьезной науке нечего было и думать. Припомним, что Григорович окончил курс наук в Харьковском университете 18 лет от роду, то есть в том возрасте, который теперь считается средним для ученика последнего класса гимназии.

Но вот в 30-х годах наши четырехклассные гимназии преобразовываются в семиклассные, курс преподавания в них значительно расширяется. Студенты теперь в состоянии работать более самостоятельно, и хотя очень немногие пользуются этою возможностью, а большинство довольствуется исполнением минимума своих обязанностей, т. е. усвоением профессорских лекций, все же в общем замечается значительный прогресс. Этот прогресс прежде всего сказывается в том, что студенты начинают критически относиться к форме преподавания, и их критика далеко не безразлична и для самих профессоров. Никто уж не читает по учебнику, и всякий, кто дорожит вниманием и расположением слушателя, считает нужным обдумывать и обдѣлывать свои лекции и придавать им цельность и, по возможности, изящество.

Красноречивого профессора, читающего живо, картинно, охотно слушают студенты всех факультетов и курсов, а если он затрагивает жизненные общие вопросы и разрешает их в духе передовых идей, его любят им гордятся и об его лекциях все вспоминают впоследствии с глубокой благодарностью, как о лучших минутах золотой поры своей жизни, своего студенчества.

Но студенты в общем были недостаточно подготовлены, слишком мало и поверхностно работали в университете для того, чтобы судить, с каким количеством научного багажа является профессор, на сколько самостоятельны и оригинальны его лекции, на сколько силен он, как критик и изыскатель истины. Может быть, весь ученый аппарат его курса состоит из двух-трех скорее бойких, чем серьезных книг; может быть, красивые картины, им воспроизводимые, не соответствуют действительности, факты, им сообщаемые, — только пикантные анекдоты, обобщения — произвольны, тирады о мировых вопросах взяты им на прокат; может быть, его сближения с современностью именно свидетельствуют о полном непонимании им отдаленного прошлого. Что кому за дело?! Все это красиво и привлекательно, а, стало быть, и сильно действует на слушателей; они с восторгом поглощают это легкое и приятное кушанье, а на кухню не заглядывают и не желают знать, из какого материала оно приготовлено. Красота формы и общие идеи — вот что было единственным критерием достоинства профессора не только для студентов, но и для общества, которое именно в это время все больше и больше интересуется университетом. Да и могло ли быть иначе? Это был период эстетики и общих идей; это был период, когда философская мысль, оказавшая так много услуг цивилизации, но теперь готовившаяся уступить свое место положительной науке, ярко блеснула в последний раз; это был период, когда всякий молодой ученый, ехавший за границу, хотя бы с целью заниматься полицейским правом, финикийскими

древностями или токсикологией, направлялся прежде всего в Берлин послушать Гегеля. И кто скажет, что школа Гегеля была совсем таки бесполезна для этих токсикологов и полицейистов?

Тем не менее, нельзя не признать, что, при таком взгляде на дело, серьезной науке не было надлежащего места в русских университетах; а между тем лучшие умы чувствовали в ней потребность, работали над ней и только поневоле мирились с тем, как к ней относились студенты и общество. Если честный и усердный работник случайно соединял с глубоким знанием и страстью к истине талант изложения, ему прощали за этот талант серьезность его лекций, но только прощали; большинство же истинных «ученых» не пользовалось популярностью и работало исключительно в тиши своих кабинетов не для современников, а для потомства.

Конечно, это должно было измениться и случай, рассказанный мною, диспут, с которого начинается самостоятельно научная карьера Григоровича, есть один из характерных фактов, может быть, самый характерный, указывающий на этот поворот в жизни наших университетов; положим, университетская молодежь и в тридцатых годах, и прежде них, всегда имела инстинкт, который давал ей возможность отличать истинное знание и любовь к науке от фразерства и остроумия; положим, и прежде пользовались ее уважением и сочувствием некоторые труженики науки, но, во-первых, то было в Москве, в Петербурге, и во-вторых, эти труженики должны были иметь и какие либо внешние достоинства, и уважения достигали они постепенно, после нескольких лет преподавания; часто студенты оценивали их только впоследствии, по окончании курса; к молодым студентам, начинающим, это уважение переходило по традиции. Здесь же мы видим не то: Григорович еще слишком молод для того, чтобы выказать преподавательские способности на немногих лекциях, им прочитанных, да еще по чужому предмету, внешние условия у него самые неблагоприятные: робость, заикание, плохая русская речь; предмет диссертации мало понятен даже членам факультета; противник опытен, находчив, остроумен, пользуется большою известностью, преподает популярный, модный предмет— русскую историю; дело происходит в отдаленной Казани, где студенты, конечно, хуже подготовлены и менее развиты, чем в столицах. И при всех этих условиях «диспут закончился полным торжеством Григоровича». Научная правда, истинное знание, смелость мысли и в отдаленной Казани победили: фразерство и остроумие, конечно, в этой победе многое нужно отнести на счет времени, на счет наступающей зрелости университетского общества, но, чтобы эта зрелость могла проявиться, «Григоровичу надо было быть ученым из ряду вон».

Что зрелость общества только наступала, видно из слов того же очевидца, который рассказал нам о диспуте. Магистр Григорович сейчас же открыл курс по славянским наречиям. Слушателей у него было немного, действительно занимающихся между ними и того меньше, хотя молодой профессор делал все с своей стороны, чтоб заохотить их к делу: он в течение одного года познакомил их и с этнографией, и с историей славянских племен, и с главными особенностями важнейших славянских наречий; он переводил с ними отрывки из народной поэзии и охотно снабжал их книгами из своей библиотеки.

Что Григорович был ученый, выдающийся и по страстной любви к науке, я по энергии, и по таланту, видно из всей его последующей деятельности. Магистерская степень в то время давала право на получение всех высших университетских почестей, так как докторство было обставлено такими условиями, что его искали весьма немногие, а большинство числилось исправляющими должность ординарных профессоров вплоть до самой отставки. Магистр Григорович имел полную возможность опочить на лаврах, подучить ординатуру, жестоко отомстят своему бывшему противнику и, если угодно, съездить на год, на два в Берлин, в Вену, в Париж, отдохнуть и посмотреть Европу. Известно, что Григорович поступил не так; он, правда, усиленно хлопочет о заграничной командировке и скоро на два с половиной года покидает Казань, но не для отдыха и не для наслаждения Европой, а для ученого мученичества, которое мало чем легче и безопаснее путешествия во внутренность Африки. Вы слышали сегодня на могиле Григоровича, какие богатые результаты для излюбленной им научной области принес этот подвиг. Вы знаете, что с Балканского полуострова вернулся Григорович с массой сведений и массой документов, добытых из первых рук, и вернулся не для того, чтобы отдыхать, а для того, чтобы работать из всех сил и работать не только для науки, но и для своих слушателей. В каких отношениях стоял с ними этот теперь уже известный ученый, уважаемый Шафариком и другими звездами славяноведения, мы узнаем из рассказа того же его казанского слушателя, который сообщил нам об его диспуте: «Григорович,

— говорит он ⁵⁰, — привлекал к себе студентов необыкновенной в то время простотой обращения с ними, чисто товарищеской близостью к ним. Это резко отличало его от других тогдашних профессоров, которые большею частью держали себя по отношению к студентам чисто по-начальнически. В определенные дни мы собирались у него запросто. Он принимал всякого приходящего к нему студента радушно, снабжал его книгами, давал советы в занятиях, с полною готовностью делал для него все, что мог сделать».

Почти двадцать пять лет проработал Григорович в Казани; в университете, в духовной академии и в обществе любителей словесности, и образовал там целую школу ученых; на сколько помнит его Казань до сих пор, через 27 лет после его выезда оттуда, вы знаете: вы сейчас слышали, какое горячее участие принимала она в устройстве ему памятника.

В 1865 г. е открытием Новороссийского университета Григорович является работать к нам на Юг. Ему уже 50 лет, но энергия у него та же, что и при начале его карьеры, та же беззаветная любовь к науке и та же умственная свежесть; на новой земле он сам делается новым человеком, изменяет направление своих занятий: из филолога становится географом, этнографом и археологом.

Между вами, господа, есть несколько непосредственных учеников Григоровича и еще большее число лиц, которые хорошо помнят его; вы и сейчас услышите о нем, как о профессоре, живое слово от одного из его благодарных слушателей. Я же только позволю себе выразить то общее впечатление, какое производят устные и печатные «разказы очевидцев на нас, новых членов той все еще молодой университетской семьи, для подъема и упрочения которой так много сделал Григорович.

Говорят, что под земною корою есть такие пласты, в которых органическое тело сохраняет все краски, всю свежесть свою, хотя бы оно пролежало там целые столетия. Для истинных своих адептов, всецело себя ей отдающих, наука есть именно такой пласт, сохраняющий человеку вечную юность, и нравственный облик Григоровича, как он рисуется в разказах его студентов, чрезвычайно яркое тому доказательство. С юношеской энергией носится почти 60-тилетний старик по степям и балкам Новороссии, пристаёт с расспросами к местным жителям, роется в архивах и сидит месяцами над такими рукописями, о научном значении которых не подозревал никто другой, не подозревал и он сам несколько лет назад. Как совсем юный доцент, чуть не вчера соскочивший с университетской скамьи, добытыми открытиями он делится прежде всего со своими студентами, не взирая на то, на сколько они подготовлены к таким откровениям; он всегда готов беседовать с своими студентами до глубокой ночи (не смотря на свою привычку рано ложиться спать), готов раздать им чуть не всю свою библиотеку; в каждом студенте, который, что называется, ударил палец о палец, он видит молодого специалиста, «молодого ученого», гордится его крохотными успехами, будто невесть какими открытиями. Студенты — семья его; у него нет другой; с ними делится он и горем и радостью; им сообщает он самые интимные мысли свои и намерения; с ними и на лекции говорит он просто, ясно и живо. Он совсем другой человек, когда выходит к «чужим», в публику; только там у него напускной пафос, возвышенная темнота слога, не естественный голос с повышениями и понижениями и до смешного театральные жесты; только там у него это «смирение паче гордости, там вечное подчеркивание своего чернорабочего ничтожества, там у него наивное, полудетское лицемерие и чинопочитание, основы которого, вероятно, были вынесены им из католической монашеской школы и укреплены суровыми испытаниями конца сороковых годов.

Чисто по-юношески мечтает Григорович о задачах румыно-византийского славяноведения в Одессе в 1860 г., мечтает объединить из нашей красавицы Юга весь юго-восточный угол христианской Европы, создать литературно-ученый орган ⁵¹, чисто по-юношески же он приходит в отчаяние от первых неудач в пшеничной коммерческой Одессе, от недостатка солидарности между болгарскими и сербскими купцами Одессы.

Но молодость тем и хороша, что ее огорчения проходят скоро и скоро заменяются новыми восторгами. Так и Григорович на шестом десятке лет переходит от одного восторга к другому: не удался журнал, он восторгается славянским обществом, своими этнографическими и археологическими изысканиями,

архивом генерального штаба, своими лекциями и «молодыми учеными», их слушающими, восторгался постоянно и непрерывно.

Прослужив 10 лет, Григорович разстался с университетом и студентами; разстался и с значительной частью своих рукописей, которые он любил почти также, как и студентов, он удручен и угнетен до последней возможности, и жизнь, по-видимому, теряет всякий смысл для него. Но кот в нем крепнет идея переселиться в Елисаветград, центральный в географическом и этнографическом отношении пункт Новороссии и при этом истинно русский город, свободный от пшеничного коммерческого духа полуиностранной Одессы. Здесь, освободившись от служебных обязанностей и мелочных забот, будет он подводить итоги своим почти 40-летним трудам; отсюда будет он делать экскурсии во все концы южной России, рыться и в земле и в архивах и в памяти человеческой и собирать новый материал, тесать новые крепкие камни для великого здания. Но здесь неожиданно для всех смерть скосила этого старца-юношу.

Нынешний день — яркое, безусловно убедительное доказательство того, какое огромное значение имел Григорович для научной культуры всего нашего края. Одесскому университету, центру этой культуры, в первый период его деятельности нужны были с одной стороны юные, свежие силы, с другой — крупные имена, крупные ученые заслуги, выдающиеся знания для того, чтобы на первое время поставить дело, как следует, приобрести доверие общества; нужны были профессора которые, не гордясь перед студентами, могли вести их вперед, как старшие товарищи, могли работать вместе с ними, возбуждать в них любовь к делу через дружбу к себе; с другой стороны, нужны были профессора с громкими именами, с большою опытностью, с разным, испытанным методом, с великими идеями, наконец. Григорович был и тем и другим в одно время, оттого-то и лег он, как красугольный камень, в основании Новороссийского университета и для этого юного учреждения создал славное прошлое.

Но Григорович, написавший так мало, что все его статьи легко поместятся в два небольшие тома, всю жизнь только собиравшийся «подвести итоги, создать большой труд, не есть местная казанско-одесская знаменитость, он имеет огромное значение и во всероссийской науке.

Уроженец Московской округи, воспитанник Московского университета 60-х годов, я никогда в глаза не видал Григоровича, но я слышу об нем чуть не с первого дня поступления в университет. Незабвенные учителя наши Буслаев и Тихонравов говорят о нем с глубоким уважением и симпатией не только как о знаменитом слависте, но и как об одном из первых знатоков древнерусской письменности и народной поэзии; старшие товарищи рассказывают нам чудеса о том, как Григорович собирал свою коллекцию рукописей; в этих полумифических рассказах Григорович до поразительности напоминает тех гуманистов XV века, которые из глубины монастырских подвалов извлекали на божий свет забытых классиков, не останавливаясь для этой благородной цели ни перед какими трудами и лишениями, ни даже перед благочестивым обманом невежественных владельцев губителей этих сокровищ.

Стали мы, что называется, подниматься в научном отношении на ноги, то есть стремиться дополнять лекции своей работой, — одна из первых книг, которую рекомендуют нам для серьезного чтения: «Очерк путешествия по Европейской Турции», того же Григоровича; из нее прежде всего знакомимся мы со смыслом таких страшных слов, как хрисовул, идиоритм, типикарница и проч.; из нее узнаем мы, какие новые америки для исследователей старины скрываются на Балканском полуострове и как мого может сделать даже одинокий хорошо подготовленный и энергичный путешественник; сквозь сжатый до лаконизма слог «Очерка», напоминающий слог древних сказаний, нам рисуется могучий образ этого пионера науки, и мы мечтаем идти толпою по его следам. Когда мы в конце курса готовимся работать по рукописям, мы постоянно слышим о четвероевангелии Григоровича, о листках Григоровича, о Паремейнике Григоровича, и мы, московские студенты, которым открыты коллекции графа Румянцева и Синадальной библиотеки, завидуем казанцам и одесситам...

Не многочисленны и не обширны научные труды Григоровича, но они все без исключения безусловно самостоятельны и глубоко проникнуты единством оригинального, научного мировоззрения. Скромный провинциальный профессор яснее, чем большинство его столичных собратьев и академиков, сознает особые задачи русской науки: в то время, как одни из них расширяют до бесконечности ее пределы, сливая ее с наукой европейской, где она, без сомнения, затеряется по своей молодости, другие слишком

суживают ее, заставляя работать только над своим, туземным, и тем лишая ее главного орудия для добывания истины, сравнения, — Григорович в изучении Византии и славянства указывает ей обширное и плодотворное поле, предоставленное ей если не в исключительное, то в преимущественное пользование самой историей, и всяким ударом своей искусной руки в эту почти девственную почву открывает для наследников целые скрытые сокровища. Григорович вместе с Буслаевым и другими лучшими умами своего времени есть основатель научного, исторического славянофильства в противоположность московскому славянофильству полуфилософскому, полупоэтическому.

Григорович любил называть себя чернорабочим науки, он был действительно чернорабочим в противоположность белоручкам, которые сами не умеют или не хотят добывать факты, а умеют только красноречиво излагать и обобщать добытые другими. Он чернорабочий в том смысле, в каком может быть назван чернорабочий всякий истинный мастер, который умеет сам и материал приготовить, сам и план составить, сам и исполнить его. Так и Григорович умел сам и найти факт и оценить его и указать ему место в общей схеме, им же созданной. Короче сказать: он чернорабочий в той смысле, в каком должен быть чернорабочим всякий великий ученый.

Площади и сады больших городов Запада украшены памятниками знаменитых ученых всевозможных специальностей; тем же способом чтим и мы память своих законодателей, государственных людей, полководцев. После открытия памятника Пушкину в Москве, после похорон Достоевского Тургенева, никто не назовет нас неблагодарными к памяти наших великих поэтов. Но общественных памятников ученым, которые не были в то же время известными писателями или основателями благотворительных учреждений, у нас, сколько знаю, еще нет. Это первый случай и, смело можем надеяться, далеко не последний.

Честь и слава Григоровичу, который и из-за гроба поднимает ваше самосознание! Честь и слава жертвователям! Честь и слава городу, который кладет первый камень для пантеона русской науки.

Воспоминания о В. И. Григоровиче, как о преподавателе *А.И. Маркевича.*

Памятник воздвигнутый моему знаменитому наставнику В.И. Григоровичу и так живо его мне напомнивший, невольно перенес мое воображение в отдаленное уже, но тем более дорогое для меня прошлое; невольно припоминается мне небольшая аудитория родного университета, с более чем скромною обстановкою; на скамьях — несколько студентов славистов или любителей славяноведения, Раннее утро; серый денек, товарищи еле перекидываются словами, и как-то тоскливо на душе, особенно если плохо выспался после долгих вечерних занятий... Вдруг слышны торопливые шаги, с размаху отворяется дверь и в аудиторию полу вбегает профессор, мощная фигура которого как бы наполняет аудиторию. Он останавливается перед скамьями, не всходя на кафедру, и студенты видят перед собою красивое, хоть и не молодое лицо, возвышенный лоб, слегка прищуренные глаза, умеющие однако бросать на слушателей орлиные взгляды. Крупная, но подвижная фигура профессора всегда облечена в форменный сюртук, на шее крест — таким Григорович, как живой, и изображен на памятнике! Нервно, ходя и негромко начинает он свою лекцию; но уже с первых его слов внимание слушателя к ней вполне приковано. Чем дальше, тем речь становится все оживленнее и оживленнее, громом наконец раздастся она по аудитории, — и чувствуется, что профессору тесны ее размеры, что аудитория ему нужна более широкая, общерусская; еще дальше идет лекция — и слушатель, подавленный впечатлениями, начинает сознавать, что для этого профессора тесны рамки, доставляемые условиями вообще русской науки того времени, и настоящей его аудиторией должно было бы быть все культурное общество; только такой большой публике по плечу те учения, которые, можно сказать, проповедывались Григоровичем и которые он излагал пред скромной аудиторией, безпредельно его любившей, но, увы! не всегда его в должной мере понимавшей. В воображении слушателя в Григоровиче сквозь его современную наружность невольно рисовался величавый образ какого-либо знаменитого византийского проповедника или, еще лучше, старинного славянского ученого в роде Иоганна Гуса, Аммоса Коменского, приносящего всю

свою страдальческую жизнь делу распространения гуманных идей в человечестве и верящего в торжество правды еще на этом свете.

Нет уже цели говорить о научном значении трудов В.И. Григоровича. Как он ни укрывался за прозвища: чернорабочего в науке, или ученого архивариуса, — название русского Шафарика стало для него символическим. Но и воспитатель он был не менее, если не более выдающийся. Не то я имею в виду, что слушатели его знали славянские наречия (хотя это действительно предмет не легкий для изучения и Григорович преподавал его превосходно), славянский язык или литературу. Никогда не чувствовали наши университеты, и Новороссийский в числе их, недостатка в опытных преподавателях; но у Григоровича было удивительное умение привлечь студента к занятиям любимым предметом. С одной стороны громадные знания и ученый авторитет, дававшие возможность всегда руководить учащимся и помочь ему, с другой — умение показать все значение славяноведения, из уроков прошлого вывести программу для будущего, и именно в тех сторонах жизни — национальных, экономических, которыми в наше время интересовались наиболее живые и восприимчивые студенты, крепкая вера в идеалы — вот что было особенно дорого в Григоровиче. Не сознавший еще прелести научных занятий и переживавший зачастую умственный и нравственный кризис, студент мог принести к Григоровичу свои недоумения, свою душевную борьбу относительно самых разнообразных сторон жизни и знал, что Григорович поймет его, не посмеется над ним, признает важность и своевременность этих жгучих вопросов, не согласится, положим, со студентом в их решении, но не укроется от злобы дня на ледяные выси чистой науки. Григорович оказывался знакомым, и даже более основательно, чем студент, с теми авторами, чья идея валновала в наше время общество, и хотя не соглашался с ними и опровергал их учения, но отнюдь не относился к ним с тем презрительным пренебрежением, которое в таких случаях не производит на юношей ровно никакого впечатления. Как опытный человек, Григорович мало интересовался в сущности общими взглядами своих учеников, хорошо зная, что разве редкий из них в будущем не повторит с Сенекою (Erist, 108, 15), что, возвращенный жизнью к общепринятым обычаям, он удержал немного из решений своей юности. Гораздо важнее было для Григоровича выяснить себе силы и способности слушателя и затем заинтересовать его своим предметом, привлечь его к работе, заставить его полюбить труд. Но этого мало? Как все широкого развития люди, Григорович понимал, что особенно плодотворен тот труд, который носит на себе печать самостоятельности, и потому чрезвычайно интересовался, чтобы слушатель его взял сам на себя инициативу своих занятий, работал как можно самостоятельнее, хотя в то же время, всегда готов был явиться к нему на помощь во всеоружии своих знаний и опытности, если это действительно было нужно. Как он хвалил всегда первые работы своих учеников, завлекал их этим к продолжению занятий! Как он старался направить их, хотя бы тонкими дипломатическими способами, на такие труды, где они могли проявить свою оригинальность! Как он, наконец, умел указать на связь этих трудов с жизнью, что так важно казалось в то время и так отвечало общему течению самой жизни! Говорить ли о результатах? Какое увлечение славяноведением, понимаемым при том в самом широком смысле, сказывалось в наше время среди его учеников и вообще близких к нему людей! Из среды его слушателей вышло не мало почтенных деятелей, о чем присутствующие здесь, главным образом жители Елисаветграда, могут судить по собственным наблюдениям.

Умолчу ли я, еще о личных отношениях В. И. Григоровича к своим ученикам? Всякий из них был у него всегда желанным, можно сказать, дорогим гостем; хотевший заниматься — пользовался на дому у Григоровича беседами, еще более поучительными и интересными, чем его лекции; книжное море, окружавшее Григоровича, тонкими струями разливалось по, своему университету. Не отказывал он, наконец, и в материальном пособии, стараясь, как декан, привлечь на свой факультет львиную долю тех средств (стипендий и пособий), которым предоставляются в университете на долю учащихся; а в списках лиц, вносящих свои лепты во время благотворительных, в пользу студентов вечеров или спектаклей, непременно фигурировало имя чернорабочего, жертвовавшего однако по 100 рублей.

Я окончил университет задолго до того, как В.И. Григорович его покинул, но помню, что выход его из университета нас, его учеников, не особенно удивил: он часто говорил о своем желании уступить место молодым силам — и такие уже были. Еще менее могло удивить нас его переселение в Елисаветград, где он мог действительно найти точку опоры для трудов по областной истории, которыми занят был в последние годы. Но нас как громом поразила весть о внезапной его кончине, к чему его бодрый

организм, почти никогда не болевший, нисколько нас не подготовил. И невольно приходила в голову тогда мысль, что смерть эта была результатом прекращения любимой профессорской деятельности, дававшей все же выход огню, который сжигал душу Григоровича, что покойный профессор, может быть, вследствие излишней щепетильности, отчасти сам не разобрался в своем положении, почему так сравнительно рано и прекратилась его замечательная деятельность. Что делать! Прошлого не воротишь.

Но деятельность таких лиц, как В.И. Григорович, далеко не прекращается их смертью, доказательством чему служит и настоящее, можно сказать, исключительное торжество. Велико значение трудов В.И. Григоровича в истории науки; но глубок и след, оставленный им в сердцах его слушателей, которые не могут вспомнить о нем без увлечения, и я считаю себя в высшей степени счастливым, что мне, его ученику и в тоже время представителю близкого ему некогда Императорского Новороссийского Университета, довелось здесь, где память о нем будет, конечно, сохраняться всего дольше, где отцы будут указывать на его могильный памятник детям, объясняя смысл его и значение, — припомнить его благотворную воспитательную деятельность и засвидетельствовать, что она не забыта и никогда не будет забыта в сердцах его бывших слушателей.

О значении памятника В. И. Григоровичу для местного общества.

В. Н. Ястребова.

Высокая личность и деятельность покойного В.И.Григоровича, как широко образованного и талантливого профессора, как глубоко ученого ветерана-слависта, византиниста и южнорусского этнографа и археолога, разносторонне оценены его собратьями по науке и преемниками по университету. В нынешний торжественный день мы, жители уездного города, имели редкое удовольствие слышать о нем авторитетные речи наших почетных гостей, представителей университетской науки. Мне не остается ничего прибавить к читанному и слышанному и не за тем выступил я перед настоящим почтенным собранием.

Когда, по окончании курса в одной отдаленной гимназии, я пришел проститься к учителю словесности и сказал ему, что еду в одесский университет он, просияв лицом, сказал мне: «там Григорович». Когда потом я за тем же пришел к учителю истории, он повторил: «там Григорович — и я заметил, что он завидовал мне. Оба они были слушателями покойного в Казанском университете. И вот я, духовный внук его, в свою очередь имел счастье сделаться его учеником. Быстро пролетели короткие четыре года. Я окончил курс в университете и приехал учительствовать в Елисаветград — и Виктор Иванович в том же году вышел в отставку и поселился тоже в Елисаветграде. И я был у него здесь, на окраине города, в его маленькой, более чем скромной, квартире, переполненной книгами, видел его совершенно, по-видимому, здоровым, слушал его, по обыкновению оживленную, беседу, а через короткое время помогал нести гроб его на место последнего упокоения.

Все это, может быть, оправдывает до некоторой степени мою решимость присоединить и свой голос к торжественному хору чествования памяти покойного Виктора Ивановича. Но у меня есть к тому и еще одно побуждение. Как обыватель Елисаветграда, я желал бы сказать несколько слов *pro domo sua*.

Памятник знаменитому ученому открыт, освящен и сделался достоянием города; кладбище, опустело; торжество наше близится к концу; дорогие гости скоро покинут нас и жизнь нашего города снова пойдет своим чередом... Позволю себе откровенно высказать опасение: не придут ли колу либо из отъезжающих гостей такие мысли: зачем Елисаветграду достался этот прекрасный памятник? не лучше ли было бы этому памятнику находиться в каком-нибудь центре? для кого здесь будет он выполнять свое назначение и не будет ли он забыт и сам и забыт очень скоро?

Мне приятно думать, что открытый ныне памятник выполнит свое назначение и для нашей ближайшей округи, и я полагаю, что имею достаточные основания для такого ожидания. Вот они.

Во вновь открытый Новороссийский университет покойного привлекла, главным образом, разноплеменность нашего края, в связи с географической и исторической близостью его к Византии и Славянам. В зависимости от общего направления его трудов, в Одессе он начал усердно заниматься местной этнографией и историей: ставил новые вопросы, открывал новые перспективы, объехал лично наш Юг от Днестра до Азовского моря, осматривал церкви и архивы. И прислушивался к особенностям местных говоров, записывал названия урочищ, — рекомендовал и студентам темы по этнографии для сочинений, Самое переселение его в наш город было делом обдуманного выбора. Не па покой приехал к нам отставной профессор, а для новых трудов. Сюда влекли его воспоминания о Новой Сербии, которая была колонизационным ядром для Новороссийского края, сюда манила его перспектива знакомства с верными хранителями старины — старообрядцами, владеющими здесь драгоценным лицевым евангелием и другими рукописными и старопечатными книгами, Елисаветград представлялся ему городом, в меньшей степени, нежели многие другие города Новороссии, поглощенным меркантильными интересами. Вскоре по приезде сюда он собирался предпринимать, если даже и не предпринимал на деле, поездки по селам с целью личных опросов местных жителей и настойчиво призывал к тому же встретивших его здесь учеников. Он деятельно искал помощника в собирании свежего материала, как будто хотел начать жизнь сначала. Древний мудрец зажег фонарь и искал подлинного человека. Новый наш мудрец, Виктор Иванович всегда носил в себе искру Божию и тоже искал, — искал коренного новороссийского туземца, хранителя старины и производителя в великом деле народного самосознания, — искал — и не один раз находил таких туземцев. Какую светлую радость блестели его глаза когда говорил он нам о труде одного местного священника по географии и истории края, труде, изобилующем фактическими сведениями, старательно и с любовью собранными!

С тех пор прошло всего 16 лет, но и в этот незначительный промежуток времени мы можем насчитать целый ряд таких скромных, но полезных трудов местных деятелей и убедиться, что пытливость к родной старине и к современному быту растет в местном населении хотя и тихо, но неизменно. Правда, в больших городах, научных центрах, работников науки больше, чем в нашей глуши, но там есть для них руководство и совет живых людей, там есть университеты, ученые общества. У нас ничего этого нет. Так не жальте же, что, в замен всего этого, у нас останется одна дорогая могила!

Не забудет ее, придет к этой могиле туземец, обнажит голову и помолится об упокоении души покойного. У подножия этого памятника почерпнет он уважение к знанию, интерес к окружающему населению и к его прошлому и, как тяглый работник, по выражению покойного, примкнет к общей дружной работе на пользу народного самосознания.

Пахарь славянской земли.

(Памяти В.И.Григоровича)

Н.Ф. Маркова

Про героев своих народ песни слагал
И их чествовал речью былинной,
Про того ль, что врага богатырски сражал,
Что гулял со хороброй дружиной.

Но та слава прошла и героев тех нет;
Ими сердце гордится родное,—
Вспомнил, братья, сред наших бесед
Ныне имя другого героя!

Не врага он по полю искал
И не бил он мечем басурмана:
Он славянскую ниву пахал,
И вспахал ее всю, без изъяна.

Залегает та нива из давних времен
От Урала-реки до Царьграда,
Та ли нива славянских племен,
Разодетая в роскошь лесов и степного наряда.

Словно древний силач, богатырь удалой,
Что в народе Микулою звался,
Он прошел эту ниву, только с новой сохой,
И до века он с ней не разстался.

Но не пашней он шел, и не сошкой пахал,
И не зерна бросал он по полю:
Он великую книгу народов писал,
Что про ту ли славянскую долю.

Умещались слова в ней укладом живым
На заметных листах письменами —
Так ложатся весною по нивам сырым
Благодатные зерна рядами.

И в могучей красе, гладью ржи золотой
Поднялся тот посев над землицей.
— Благодать! — молвил он и свой сев дорогой
Завещал нам умножить сторицей ...

Гой ты, пахарь славянской земли!
Про тебя мы пропели былину
И на славу твою свои речи свели,
А той славе не будет кончины!...

Приветствие от имени Общества бывших студентов Новороссийского Университета.

Произнесено депутатом Общества *Г. Е. Афанасьевым.*

Милостивые Государи!

Общество бывших студентов. Новороссийского университета и Ришельевского лицея поручило мне быть его представителем на торжестве открытия памятника нашему незабвенному учителю. Исполнение этого поручения доставляет еще большую честь и великое счастье. Сложить венок к подножию памятника В.И. Григоровича от имени многих его слушателей, почетно принимать участие в торжестве его памяти, когда сам был участником его и любил всеми фибрами молодой души,— это великая отрада. Не одному из его учеников в этот день вспомнится светлый образ профессора, воспитавшего юного много поколений. Вспомнится профессор, который с глубокой ученостью и широкой образованностью соединял пыл юношеского увлечения своими идеями; — вспомнится его вдохновенная речь, льющаяся с кафедры неудержимым потоком, блещущая мыслями и образами и электризирующая слушателей до того, что они забывают в это время все в мире. Да, эти лекции, кроме большой пользы, доставляли чисто высокое наслаждение! Вспомнится его отечески любовное отношение к нам— студентам; — как он старался приласкать и приголубить нас, из которых многие были заброшены на далекую чужбину. Он радовался нашими радостями, печалился вашими горестями. Вспомнится, наконец, как он будил наше славянское самосознание я вызывал интерес к славянскому миру и как он радовался, если видел в нас

этот интерес, и как он поощрил наши первые шаги. Как же не чувствовать нам, студентам Новороссийского университета, себя глубоко счастливым, видя, что сегодня не тесный кружок почитателей, а все общество чествует память человека, слушавшего украшением нашей almae matris! Видя такое проявление общественного самосознания, мы не можем не поздравить вас с таким днем. Хвала Елисаветграду за его почин в этом деле, хвала Историко-филологическому Обществу, доведшему его до благополучного конца и собравшему нас вкупе на дорогой и славный праздник!

Приветствие от Одесского Славянского Благотворительного Общества.

Произнесено депутатом Общества А.И. Маркевичем.

Одесское Славянское Благотворительное Общество, одним из учредителей, первым секретарем, действительным организатором и душой которого был В.И. Григорович, уполномочило меня передать г. Елисаветграду в лице его уважаемого городского головы поздравление с настоящим торжеством открытия памятника знаменитому ученому и отблагодарить город за его безусловно необходимое и любезное содействие устройству и открытию этого памятника, дорогого для всех славян, Одесское Славянское Благотворительное Общество призывает на город вечное покровительство своих патронов, свв. братьев Константина и Мефодия, защитников всего славянского мира, насаждавших в нем то просвещение, распространению которого посвятил всю жизнь В.И. Григорович.

Телеграммы к дню открытия памятника.

1) От С.Петербургского Университета.

С.-Петербургский университет, глубоко чтя память одного из первых насадителей славистики в России, считает своим долгом принять участие в сегодняшнем чествовании его настоящим приветствием.

Ректор **Никин.**

2) От Казанского Университета.

Совет Казанского университета, чествуя память покойного профессора Григоровича, положившего начало славянской филологии в России, 25 лет послужившего Казанскому университету и здесь приобретшего всеславянскую известность, просит Вас заказать фарфоровый венок и, написав на ленте: «Казанский Университет незабвенному слависту», возложить оный на памятник при открытии и быть при торжестве представителем нашего университета.

Ректор **Ворошилов.**

3) От Юрьевского Университета.

Передайте соучастникам сегодняшнего торжества привет Юрьевских почитателей Григоровича: мысленно присутствуем при открытии памятника знаменитому славяноведе.

Ректор **Будилович.**

4) От Варшавского Университета.

Ученики и почитатели Григоровича приветствуют Одесское Историко-филологическое Общество в торжественный день открытия памятника одному из первых наших профессоров-славистов. Они радуются, что глубоко ученый славный профессор, будитель народного славяно-русского сознания, проводивший ради науки жизнь аскета, получил наконец некоторую дань общественной признательности. Работая всю жизнь на благо славянства, православия, науки и духовных интересов русского народа, Григорович указывал высшие идеи, убежденный, что Россия ими еще более окрепнет,

оживотворится, возрастет и возвысится. Да напоминает воздвигнутый монумент грядущим родам об одном из доблестных сынов России и славянства.

Профессора: Смирнов, Иезбера, Кулаковский, Грт, Дъячан, Цветаев, Филевич, Выхов, Зенгер, Созонович, Улянов, Любович, Новосадский, Каннский.

5) От Университета Св. Владимира.

Историко-филологический факультет университета Св. Владимира с искренним чувством присоединяется к чествованию памяти незабвенного в летописях русской науки Виктора Ивановича Григоровича. Дай Бог, чтобы брошенные им на русскую ниву добрые семена славянских и византийских изучений принесли обильные плоды.

Декан Флоринкий

6) От Исторического Общества препод. Нестора Летописца.

Историческое Общество преподобного Нестора Летописца, вспоминая великие заслуги Виктора Ивановича Григоровича исторической науке и славяноведению, шлет земной поклон праху вечно памятного ученого.

Председатель Владимирский-Буданов.

7) От Киевского Славянского Общества.

Киевское Славянское Общество с благоговением присоединяется к чествованию памяти великого слависта, носителя и будителя славянской идеи на Руси, незабвенного Виктора Ивановича Григоровича.

Председатель Рахманинов, Флоринский.

8) От Болградской гимназии.

Гимназия, стоящая на рубеже славянских земель и воспитывающая детей славян, дорогих сердцу покойного, приветствует от глубины души открытие памятника незабвенному русскому слависту, профессору Григоровичу, воспитавшему чувства сердечной любви к славянам и оставившему после себя неизгладимую память в сердцах всех кому дороги интересы славянства.

Директор Болградской мужской гимназии Орлов.

9) От Болградской женской гимназии.

Болградская женская гимназия с чувством искреннейшей благодарности и глубочайшего уважения к высоким заслугам знаменитого русского ученого слависта, профессора Григоровича, радостно приветствует сегодняшний день открытия памятника незабвенному покойному профессору.

Председатель педагогического совета Орлов.

10) От Евпаторийской прогимназии.

Душевно радуясь открытию памятника на могиле дорогого и незабвенного учителя В.И.Григоровича, мысленно участвуем со всеми вами в этом торжестве.

Шрамков.

11) От Екатеринославской гимназии.

Екатеринославская гимназия присоединяется к торжеству и выражает искреннее свое пожелание, дабы вновь открытый монумент служил всегдашним напоминанием о благотворной деятельности славного

труженика.

Директор.

12) От Камратского реального училища.

Мысленно участвуя в торжестве освещения памятника незабвенному наставнику, Виктору Ивановичу Григоровичу, просил принять сердечное выражение наших чувств к памяти знаменитого слависта.

Директор Кловский, инспектор Добров и преподаватели.

13) Из Кишинева.

С глубоким чувством благодарности учеников незабвенного учителя приветствуем открытие памятника Виктору Ивановичу Григоровичу.

14) Из Кутаиса.

Просим присоединить наши имена к числу чествующих память знаменитого слависта Григоровича.

Колянковский, Стоянов.

15) От Николаевских мужской и женской гимназий.

Служащие в Николаевской мужской и женской гимназиях, ученики и почитатели незабвенного профессора Виктора Ивановича Григоровича, помолясь об упокоении души его, приносят сердечное поздравление комиссии по устройству ныне открываемого памятника знаменитому труженику на поприще славянской науки с осуществлением заветного желания учеников и почитателей покойного.

Директор гимназии Балык.

16) Из Новгорода.

Мир праху незабвенного Виктора Ивановича!

Рклицкий.

17) Из Одессы.

Бывшие ученики Виктора Ивановича Григоровича радостно присоединяются к чествованию памяти славного ученого и незабвенного учителя.

Искра, Капитанаки, Охременко, Чаушанский.

18) От Симбирской гимназии.

Симбирская гимназия, вознеся молитву Господу Богу за вечный покой души боярина Виктора и выслушав в актовом зале речь о незабвенных ученых заслугах достославного профессора славянству и отечеству, мысленно присоединяется в знаменательному торжеству открытия ему рукотворенного памятника на вечную память всей великой славянской семье.

Директор Свешников.

19) От Феодосийской гимназии.

Покорнейше просим Вас положить к подножию воздвигаемого Виктору Ивановичу памятника и от нас искреннюю дань глубочайшей признательности за те добрые и разумные семена, которые он, наш незабвенный профессор, заронил в нас, его старейших слушателей по Новороссийскому университету.

Директор Феодосийской гимназии **Виноградов,**
учителя той же гимназии **Мышкин, Иванов.**

Памяти В. И. Григоровича.

Историко-филологическое Общество при Императорском Новороссийском университете открывает, сооруженный по его почину и подписке, завтра, 18-го октября, памятник проф. В.И.Григоровичу на могиле его в Елисаветграде. В. И. Григорович, родившийся в 1815 г. и скончавшийся 19 декабря 1876г., бывший профессор Казанского и затем Новороссийского университетов по кафедре славяноведения, занимает почетное место в истории русской и славянской науки и образованности. Человек высоких, чистых стремлений, беззаветно преданный науке, горячо любивший Россию и все славянство, В. И. Григорович, вместе с достопамятными сотрудниками и товарищами своими О.М.Бодянским, П. И. Прейсом, И.И.Срезневским, был одним из первых после Востокова насадителей новой тогда науки славяноведения в нашем отечестве. В месте с ними он был одним из первых русских ученых путешественников в западных славянских землях. Три первые его товарища прямо направились в славянские земли Пруссии, Саксонии Австро-Венгрии, изучили и исследовали только эти земли, да посетили еще Черную Гору и Сербию. Они также понимали важность изучения славянской народности и Болгарии, Фракии и Македонии, но в трудно тогда доступную Турцию они не решились, не успели проникнуть. В.И.Григорович — в этой решимости и в этом почине была уже великая заслуга — прямо начал свое путешествие с Турции и пробыл в ней 11 месяцев. Небольшая книжка Григоровича: «Очерк путешествия по Европейской Турции» (2 изд. М.1877. IV+181 стр.) имеет важное значение в истории науки, но еще важнее была масса живых этнографических и археологических наблюдений и заметок, множество рукописей или извлечений из них, собранных и привезенных Григоровичем из его одиннадцатимесячного пребывания в Болгарии, Фракии и Македонии. Его собрание рукописей, дополненное впоследствии новыми приобретениями, украшает ныне Румянцевский музей в Москве и библиотеку Новороссийского университета, а важные открытия, богатые знания и наблюдения Григоровича стали достоянием науки; он ознакомил с ними ученых рядом небольших и немногочисленных, но весьма ценных трудов филологических, археологических, исторических, почти тридцатилетним своим преподаванием в Казанском университете, в Казанской духовной академии и в Новороссийском университете. Всей душой преданный своему делу, В.И.Григорович с величайшею готовностью, можно сказать, с радостью и самозабвением делился своими глубокими знаниями, своими оригинальными мыслями, богатыми материалами и в частных беседах, и в письмах не с одними своими учениками, но и с разными учеными старшего и младшего поколения. Григорович не знал, так называемой ремесленной зависти, *jalousie, de metier*. На молодежь, его окружавшую, особенно в Казани, как в университете, так и в духовной академии, он имел самое благотворное влияние. Ученое издание Казанской академии «Православный Собеседник», особенно в 60-х годах и позже, служит тому живым доказательством. Замечательные деятели наши, проф. М.П.Петровский, А.Н.Пыпин, рано скончавшийся незабвенный А.Ф.Гильфердинг были долгое или короткое время, как два последние, учениками В.И.Григоровича и всегда считали себя много обязанными ему. По чистоте помыслов и жизни, по глубочайшей преданности науке, по обширности и глубине познаний, по важности сделанных им находок и оставленных им трудов, В.И.Григорович принадлежит к одним из замечательнейших славяноведов в Европе и к числу немногих знаменитых ученых, которыми Россия может доселе по справедливости гордиться. Нельзя не радоваться и не выразить полнейшего сочувствия к имеющему быть завтра в Елисаветграде открытию памятника на могиле Григоровича. Благо поколениям, умеющим чтить память почивших заслуженных деятелей.

Некоторые из здешних почитателей памяти и заслуг В.И.Григоровича решили завтра, в воскресенье, 18-го октября собраться в нашей университетской церкви на имеющую быть в ней в 11^{1/2} ч. после обедни панихиду по усопшем. В Петербурге не мало казанцев и новороссийцев, более или менее близко знавших покойного В.И.Григоровича, не мало болгар, сербов и других славян, чтущих память знаменитого нашего слависта, и вообще много найдется его почитателей из старших и младших поколений. Многие из них пожелают придти в университетскую церковь помолиться за покойного в то время, как в Елисаветграде на его могиле будет отслужена по нем панихида и открыт сооруженный ему памятник.

В.Ламанский.

(Из «Нового Времени», № 5976, 17 октября 1892 г.)

Памяти проф. В.И. Григоровича

В скромном и тихом Елисаветграде завтра будет необычное торжество: там произойдет открытие памятника профессору В.И.Григоровичу. На этом торжестве компетентными и близко знакомыми с деятельностью В.И. ораторами будет сделана должная оценка трудов этого профессора; все это более или менее будет известно читающей газете публике, почему в настоящей заметке и не намерен делать ни биографического, ни критического очерка о В.И. Мне трудно было удержаться, чтобы не сказать в этот день хоть нескольких слов в память покойного профессора и хотя духом присутствовать сегодня на могиле, которая мной прежде была посещаемая не раз и которая во мне вызывала всегда целый ряд дум и мыслей.

Я не имел, да и не мог иметь счастья лично знать основателя славянской кафедры в нашем университете, но знакомство с трудами его и рассказы с воспоминаниями лиц, знавших его, — всегда рисовали и рисуют мне В.И.Григоровича, как очень симпатичного человека, великого ученого, обладавшего громадным талантом и обширнейшими знаниями. От своих учителей, — учеников покойного, — постоянно приходилось слышать самые сердечные отзывы о нем: среди его слушателей существовал всегда какой-то культ, род благоговейной любви к профессору, почему все воспитанники Новороссийского университета, выпусков, бывших при В.И.Григоровиче, и хранят память о нем очень бережно и говорят о нем всегда охотно и любовно. Он оказывал на своих слушателей громадное влияние, заставляя их своими одушевленными беседами интересоваться славяноведением и возбуждал в них любовь к различным вопросам научного и общественного характера. У него на дому бывали постоянно занятия, на которых, по рассказам участников, бывших студентов, рекой лилась его одушевленная речь. Такое отношение к слушателям не может не породить в них самого теплого и искреннего чувства. Завтра, думается мне, особенно сердечно помянут они своего учителя и порадуются искренней радостью, что могила этого замечательного человека не будет отныне подвержена опасности быть забытой и затерянной.

В.И.Григорович отличался большой скромностью, был очень не высокого мнения о своих трудах, считая себя лишь «чернорабочим» в науке и предоставляя другим созидать из накопленного материала.

Конечно, это крайнее самоунижение со стороны В. И., ибо труды его, среди которых нет массивных и увесистых книг, имеют громадное значение и необходимы всякому, занимающемуся тем или другим вопросом славянской филологии. Покойный был человек громадного философского образования и обладал широкими научными взглядами; это видно из каждого его труда и из всякой, даже мелкой, статьи. Он не ограничивался передачей того или другого факта, но всегда всюду вносил известную идею, оценивая то или другое историческое событие с общечеловеческой точки зрения. Он всегда и везде преследовал определенные цели, выставляя и указывая задачи и тенденции местных исследований. На наш университет, напр., он возлагал большие надежды, считая необходимым для него и для его питомцев — изучение местной старины, местных преданий и проч., на Одессу же он, вообще, смотрел, как на место, где должен быть центр для изучения юга славянского, и откуда должны завязываться сношения с нашими соседями — греками, румынами и т. п. В его сочинениях разсеяно много указаний по этому поводу, и многие его статьи следует считать программой для наших местных научных занятий. Кое-что из этой программы выполняется, но многое еще — достояние будущего; все же в области указанных занятий неизбежно будет всегда связано именем В.И. Григоровича.

Он любил Одессу, любил и университет наш: затосковав по нем, он и умер; часть своих книг и драгоценных рукописей он подарил ему — что упрочит, конечно, память о В.И. среди будущих питомцев университета. Смеею надеяться и желать, что со временем больше твердости и крепости будут иметь и занятия местной стариной и нашими соседями, как того желал покойный профессор; тогда ему будет воздвигнут самый прочный, самый вечный и достойный памятник.

В день же открытия ему памятника надгробного следует пожелать осуществления всех чаяний, упований и надежд покойного относительно ученых задач юга России вообще и нашего университета в частности.

Научные традиции, связанные с дорогим именем чествуемого профессора, очень симпатичны; они не могут не вызывать самой искренней признательности к памяти их инициатора: они будут жить очень и очень долго. Их будет постоянно пробуждать и обновлять открываемый памятник, создание которого на доброхотные пожертвования свидетельствует о том, что имя В.И. Григоровича пользуется любовью и глубоким уважением русского образованного общества. Завтра прибавится еще одно доказательство, что у нас уже умеют чтить благодарно заслуги своих ученых; это очень утешительно и служит прекрасным венком тому, кто всю жизнь учил с кафедры и самоотверженно трудился на пользу родной науки.

М. Попруженко, (Из «Новороссийского Телеграфа», № 5590, 17 октября 1892 г.).

1 Так как последняя была облегчена Правлением Общества Юго-Западных железных дорог, то впоследствии г. Эдуардс отказался от получения соответственной доли уплаты.

2 В виду чрезвычайной многочисленности жертвователей, превышающей цифру 1500, Правление Общества не приводит здесь полного именного списка жертвователей, а перечисляет пожертвования по тем учреждениям, чрез которые пожертвования поступили в Общество.

3 Об этом пожертвовании получено только уведомление инспектора народных училищ Бессарабской губернии г. Тиунова, в отчетном году уже умершего.

4 При открытии памятника настоящая речь была произнесена в извлечении. В полном виде она помещена в LIX томе Записок Императорского Новороссийского Университета и в сокращенном виде в «Славянском Обозрении», 1892, ноябрь — декабрь. Автор этой речи, как адъюнкт проф. Григоровича по кафедре Славянских наречий с сентября 1871 года и по оставлении профессором нашего университета в сентябре 1876 г., был командирован Сонетом, вместе с орд. профессором И.С. Некрасовым, в Елисаветград для участия при погребении. Произнесенная им тогда над гробом речь напечатана в брошюре: Памяти товарищей (1878 г.). Здесь несколько пополнений.

5 Из стихотворений Хомякова.

6 В. И. родился в 1815 г. в деревне Антоновке. Херсон. губ., ананьевского уезда, у самой границы Подольской губернии, родовом имении матери, урожд. Шелеховской, польки; отец православный, но не дворянин, родом из Черниговской губернии, был исправником. После смерти матери, имение ее, колыбель нашего слависта, не могло достаться ее детям, как населенное, было отобрано и перешло назад в ее род. Григорович до самой старости со страстию повторял слова: «возвратите мне гражданские права»! Редко кто понимал значение этих многозначущих слов, а они именно и относились к отобранному имению, отчего незамужняя сестра Григоровича (ее мы знали в Одессе) всегда была в большой нужде, а младшего брата Олимпия, недавно умершего в Херсоне, ему пришлось самому воспитывать. Средний брат еще в живых.

7 Его собственные слова, слова слышанные нами не раз в бытность у него доцентом. Во избежание недоразумений, считаем долгом объяснить, что сведения, источник которых у нас не указывается, почерпнуты или из наших личных заметок о беседах с покойным, или из материалов нашего портфеля. Надеемся, что никто не заподозрит нас в измышлении.

8 Ср. о воспитании у базилиан добрые воспоминания известного друга Мицкевича, А.Е.Одынца: «Wspomnienia z przeszłości», Warszawa, 1884, 32-33.

9 Вспоминая об этом приглашении, старик любил иронизировать над собою, что его права на эту кафедру основывались на знании еще из дома польского языка, да на том, что он издали видел у Прейса, тогда гордого учителя гимназии в Дерпте — он учил у местных помещиков — «Giagolita Clozianus», но каковую книгу хозяин никогда не давал ему.

10 Этому истинно-правильному взгляду, поражающему нас, если вспомнить когда и при каких условиях он был высказан, автор, естественно, остался верен до конца своих дней. В своей глубоко содержательной и эффектной речи на 11 мая 1871 года, в первую годовщину Одесского Славянского благотворительного Общества, которое он создал, так в первое время лелеял, прежде чем разочаровался (как секретарь Общества, в первом году, он израсходовал своих денег несколько сотен), — речи, которую мы можем разсматривать, как внутреннюю автобиографию, исповедь души стареющего, но не состарившегося знаменитого слависта, Григорович в мастерской картине общего генезиса Славянской науки говорит: «Участие, которое каждое славянское племя принимало в общем движении поколения, как ни кажется отрывочным, несвязанным, можно ныне подвести под общие начала. При частных литературах мы, следовательно, можем иметь общую славянскую литературу». («Из летописи науки славянской». Одесса 1871, стр, 15). В интересе генезиса этого взгляда Григоровича в 40-х годах на историю славян надо заметить, что Григорович имел в некотором смысле своими предшественниками В.Мацеевского и М.Вишневого (гегелианцы), польские труды коих ему были хорошо известны.

11 Из факультетского разбора кандидатской диссертации, сделанного проф. Горловым. В 1840 г. тот же Горлов препоручает Григоровича в сотрудники «Москвитянина»: «с редкими сведениями в классических литературах и словенских языках». (Барсуков, Погодин, V. 503).

12 Из донесения министру, от 6 авт. 1844 г., когда уже Григорович отплывал из Одессы в Турцию, начинал свое знаменитое славянское путешествие.

13 Его слова из «Плана путешествия в слав. земли», в начале, напечатанного его заслуженным учеником, М.П.Петровским, своею неостывающею любовью к науке, своею скромностью приятно воскрешающего своего учителя.

14 Что вполне самостоятельным он чувствовать себя не мог, ясно из одного того, что он имел казенную инструкцию, которая его казанским недоброжелателям давала повод к постоянным придирам: «сам учись, и только, во время путешествия, а не учить тебе других», твердили они. Во главе их был юркий проф. Иванов.

15 Ранее своих сотоварищей, Григорович с университетской кафедры первый учил о высоком методологическом для науки языка значении церковнославянского языка, имея в этом вопросе предтечу в Шафарике. Мы имеем в виду его печатную программу преподавания славянских языков 1841 года. Нельзя думать, что талантливому воспитаннику немецкой школы в Дерпте было неизвестно движение науки на ближайшем Западе, направление великого Боппа, введшего, по указанию Шафарика, хотя и недостаточно, церковнославянский язык в свою «Сравнительную Грамматику». Непререкаемый методологический закон современной науки был категорически высказан полвека назад юным славистом в Казани — непререкаемое знамение крупного ума.

16 Tafel в «Urkungen zur Geschichte der Republik Venedid», I, 247

17 «Письма к Погодину из славянских земель» изд, Н. Попова. М. 1380, 267. Эта задача науки выставлена знаменитым славистом в Праге, как кажется, под влиянием знакомства с только что полученными им от Погодина его «Историческими исследованиями»: он отклоняет от себя суждение о книге московской — не его специальность, но делает отдельные поправки (ср. ib. стр. 265, в конце). Вероятно, Погодин указал Шафарику — отыскать Фотия, а с этим он сам познакомился от ректора Д. Ак. Филарета. (Барсуков, ор. с. V, 407). В виду того, что летом 1840 года Срезневский уже работал в Праге, а Прейс поджидался сюда, можно думать, что, говоря о «путешествующих ученых (курсив в подлиннике), Шафарик имел на примете именно бои русских славистов.

18 Классический «Очерк путешествия по Европейской Турции» (1848) сильно был урезан при печатании, о чем не раз жаловался автор в беседах с нами. Нередко здесь язык Эзопа, и надо читать между строк, Увы! потерян (быть может, на время) экземпляр «Очерка» с массою собственноручных пополнений, не раз виденный нами. При быстрой описи в позднее ночное время (при нашем присутствии) суд. Приставом имущества покойного: рукописей в сундуках, книг в мешках — экземпляр этот нам не

попался. Кое-что из устных слышанных нами рассказов о путешествии сохранилось в наших заметках о беседах с Григоровичем. Мы ими и пользуемся в настоящую минуту.

19 С таким дорогим титулом Григорович остался на долго в памяти охридских монахов. Когда в 1862 году посетил Охридский монастырь Св. Наума наш консул т. Ионим, один из заслуженных деятелей ваших на Востоке, старики — братья хорошо еще помнили путника из Казани. «...Вот уже не то 12, не то 13 лет тому назад посетил нас тоже русский, Гри... Гри... Гри... — Григорович, добавил я — Так точно, знаете его? Прекрасный господип, ну, одно слово, русский». (Газета «День», 1863, № 52, статья г. Ионина).

20 Отчет Казанского университета за 1846—47 год.

21 ὑπομονή — пребывание дома, искус; ἐλάττω — слушаю, отсюда работаю, как послушник, в монастыре, 25 окт. 1846, когда Григорович, давно уже был в Праге, из Букурешта приятель его Котов, небольшой чиновник в местном русском консульстве, писал ему между прочим: «...Недавно был здесь архимандрит Порфирий (знаменитый Успенский, позже епископ Чигиринский) на возвратном пути из Палестины в С.Петербург. Отзывы его о святогорских отцах не весьма удовлетворительны и почти согласуются с приемом, вам оказанным. Он не упомянул только об ипомопике эпакои...» Внимательны были мелкие чиновнички, в роде Котова. Но в ином роде были—крупные, о которых несколько слов ниже. Прекрасную характеристику некоторых крупных чиновников «азиатского» департамента того времени предлагает в своей автобиографии образованный генерал Дюгамель, сам долго дипломатствовавший в Букареште, вскоре после странствований Григоровича.

Вот что говорит он о Карле Коцебу, нашем консуле в Валахии до 1850 г.; «в душе игрок, он проводил ночи за зеленым столом, и эта необузданная страсть была причиною, что он постоянно находился в денежных затруднениях, что вредило его официальному положению». (Русский Архив, 1885, том 2). Понятно, каждый в роли Григоровича, искавшего какой-то науки, мог только неприятно беспокоить, отрывая от занятий...

22) Газета «Obzor» 1878, № 52. Прибавим, что в «Записной книге» на 1849 г. известного нашего критика и поэта, кн. Вяземского, сын которого тогда служил при посольстве в Константинополе, да и сам он бывал там, довольно обстоятельно исчерпано историческое, географическое и литературное содержание книги Григоровича (см. Сочинения, т.9, стр. 232—236). Для образованной русской публики труд Григоровича был поучительной новинкой по знакомству с Турцией. В 20 годах были известны у нас заметки об Афоне филеллина карамзиниста, В.Д.Дашкова († 26 ноября 1839 г.); но они очень кратки.

23 В трудах: ак. Ягича (в его «Арх. Слав. Фил.»), заслуженного Львовского проф. Калины: — «*Studia nad hist. jez. bułg*» (Krakow. 1891).

24 Только небольшая часть его издана тогда же в Загребе Ст. Вразом, в его журнале «Kolo», радушно уступленная ему русским путешественником, когда тот объезжал Хорватию. Изданные нами в «Записках Имп. Одесского Общества Истории и древностей, т. XV, болгарские песни, по недавно найденной записи 30-х годов, крайне немногочисленны. Раньше еще только у В. Караджича в изв. «Додатцима» (1822 г.).

25 Ср. Berard Victor, *La Turguie et l'hellenisme contemporain*. стр.117, в вопросе о судьбах эллинизма в Македонии. Богатый автор сыплет золото на пути по Македонии и все помехи: а Григорович — с медяками!...

26 Из нашего портфеля. Письмо от июля 1846 года, Венеция, составляющее как бы общее напутствие Григоровичу при объезде Далмации (оно напечатано нами в статье: «Две политики в славянском вопросе, в «Истор. Вестн.» 1881, июль, по снятой нами копии, в нашем портфеле) Томасео (иначе Томашич, ибо он далматинец) заканчивал так: «Voici les pades du hutieme volume de l'Archive, ou il est guestion de la Dalmacie ou des paus voisins. Je vous prie de me le renvoyer avant vorte depart de Venise. Je Vous salue, Monsier, de tout mon Coeur. VIII. 42.85. 87-90. 92. 48. 125. 127. 132. 135. 137. 138. 152. 159.165. 169. 171. 277.293-295. 309. 323. 391. 391. 393. 403. 479. 673. 701. 703. 705. 739. 754. 762. 764. 766 . К письму были

приложены рекомендательные письма к некоторым далматинским знакомым Томасею, напр., к «dottore A. Kaznacie, Ragusa» Известно, что и позже, в 50 годах, архивы Венеции были трудно доступны. (Ср. Библиографические записки, 1861, стр. 52).

27 Из ст. Шафарика 1847 же года («viklad. forem...») видно, что Григорович показывал ему из своего глагольского Четвероевангелия один листок, откуда взяты кое-какие грамматические формы в это исследование.

28i Ж. Мин. Н. Пр., 1848.

29 ²⁶/₁₄ декабря 1846 г. Шафарик пишет историческое письмо к Погодину: «Если я к вам уже сегодня пишу и не откладываю вопроса, требующего более досуга и более удовлетворительного приема, то к этому побуждает меня прежде всего дело г. Григоровича. Г. Григорович на днях мне говорил, что он обратился к своему правительству о дозволении еще раз отправиться в Албанию, что по этому вопросу он писал и к Вам, пославши к вам некоторые отрывки из рукописей (знал чем задобрить!) и прося вас быть за него ходатаем, чтобы дано было разрешение. Вам принадлежащее письмо он отправил по адресу в редакцию Журн. Мин. Нар. Просв. и чрез Вену. Если бы он мне сказал что-нибудь о посылке, я бы посоветовал ему отправить прямо к Вам; я опасюсь, что теперь много времени потеряно... Что касается просьбы Григоровича, то лишне об ней много распространяется. Сделайте, что можно. На мой взгляд, дело это очень важное. Литературные находки Григоровича и его открытия о Клименте, Науме и остальных помощниках Кирилла и Мефодия и Македонии и Албании уже теперь очень любопытны, равно как и старое свидетельство о Клименте, как изготовителе какого-то нового алфавита. Второе же путешествие его в Албанию предложило бы теперь, после лучшей подготовки, еще большие результаты, Быть может, в вопросе о происхождении и распространении глаголицы, мы попали бы, если не в самый центр, то по крайней мере на несколько более твердую почву. Если потому Вы в состоянии замолвить доброе слово пред гр. Уваровым о Григоровиче, то это Вы сделаете в интересе литературы и науки. Одно меня беспокоит, что время слишком коротко... Делайте, что можно». («Переписка», 341). Дело не выгорело; но это историческое письмо останется на всегда как свидетельство глубокой отзывчивости великого чешского учителя к очередным запросам науки и это же время тонкого умения ценить людей, не ошибаться в своих научных симпатиях.

30 Из наших заметок.

31 Впрочем, о своих открытиях в Македонии Григорович читал небольшой реферат 26 ноября 1846 г. в заседании «Чешского Королевского Общества наук в Праге» («Kralovska Ceska Spolecnost Nauk v Praze»), который Шафарик сейчас же поместил в журнале Чешского Музея, 1847, I, в. У, 508—521.

32 Отчет за 1846—47 т. 28.

33 Переписка Погодина, 363, 370.

34 Там же, 376.

35 Там же, 379 .

36 Сдержанно вежливый и смиренный, надломленный, открывает Григорович из своей казанской юдоли свою переписку, и вынужденную, с Шафариком — переписку незначительную, всего два письма, от 1852 и 1857 годов. Приводим первое письмо целиком, как характерное и лично свидетельствующей о причине невольного молчания Григоровича на штурм из Праги, молчания, которое на месте готовы были признать знаком невнимания и даже того хуже — намеренного игнорирования. «М. Г. Иосиф Павлович! С прискорбием должен повиниться в медленности своей пред Вами. Не переставая питать к Вам самое искреннее уважение, не находил в себе достойного Вас повода, в обстоятельствах возможности легко и безпрепятственно писать к Вам. — Труды Ваши, а также и других ученых, доходят до меня довольно поздно. Слежу, однако ж непрерывно за прекрасными успехами филологии, глубже проникающей в значение Церковнославянского языка. Дай Бог мне быть хотя передавателем столь прекрасных

изследований. Ничтожные свои труды напечатал частью и буду продолжать печатать. Они будут касаться также Церковнославянского языка. При трудности мне представляющейся всегда вынужден искать случая доставить их Вам чрез других,— По желанию Вашему изготовил *fax simile* с возможною точностию. Оно имел честь препроводить в Академию Наук и просил о доставлении Вам. Думаю, этим путем вернее достигнет Вас. Письмо Ваше 1849г. достигло меня уже 1850, благодаря неисправности того, кому М.(ихаил) П.(етрович) (т. е. Погодин) поручил передать мне. Тогда по независящим от меня обстоятельствам был в переездах и долго не мог устроиться. Вот почему не имел чести отвечать. — Находясь в 800 верстах от Москвы, затрудняюсь и в получении известий и в ответе. Тем не менее буду стараться всегда отвечать желаниям Вашим и при этом пользоваться случаем свидетельствовать Вам глубокое уважение с которым ныне имею честь быть Вашим. М. Г., покорнейшим слугою В. Григорович. 8 июля 1852 г. Казань. — По видимому, Шафарик более к Григоровичу, не писал. Второе письмо Григоровича, уже на чешском языке, есть собственно препоручение профессора г. Булича, уезжавшего тогда за границу, в Прагу. (Из нашего портфеля).

37 Не смотря на глубокое огорчение, принесенное Григоровичу письмом самого Востокова с известием о фатальном исходе его предложения, что ясно видно из раздражительных заметок па полях письма (это письмо Востокова, почти на пороге могилы, с фотографическою точностию передававшее главнейшие моменты судьбы его предложения, мы читали причиной описи имущества Григоровича после похорон, списать не успели, а где оно теперь?), Григорович преклонялся пред глубоким критическим умом Билярского, чуждый мелкого чувства. Одним чувством — благоговением проникнута его речь у гроба Билярского, вначале «бедняка, в ученом мире сущего сироты», речь, с жаром написанная и с жаром, памятным еще многим, произнесенная. Но один упрек о «мотивах» и место: «умирая, он сознавал те противоречия, в которые увлекала его ревность к науке, и заочно простился со всеми», — мы позволяем себе понимать, как отголосок тех тяжелых воспоминаний.

38 «Опыт», стр. 97. Уже здесь, след. еще в 1842 году, он говорит о том, что славянское богослужение обняло всех славян, кроме прибалтийских, что его язык — церковнославянский — выразил сознание целого племени — общеплеменное. (Стр. 12, ср. 63).

39 Позволяем себе считать недоразумением встречающееся утверждение некоторых западно-славянских славистов, напр. венского профессора г. К.Иречка, что в вопросе о старшинстве глаголицы к Шафарику присоединился Григорович» («*Dejiny naroda bulharskeho*», р. 383). Крайняя уступка, что оба ученые остановились на общей гипотезе и в одно и тоже время, только Шафарик позже провел ее далее. Из только что изданной переписки Шафарика с пок. Кукулевичем-Сакцинском в Загребе видно, при какой нищенской научной обстановке приходилось еще в 1852 году работать ему в области глаголицы, что сам Шафарик тогда еще только вырабатывался в глагольской палеографии: знаменитую глагольскую надпись в церкви св. Луции он не в силах был прочесть, хотя «и много времени потратил на нее», и объявил письмо ее не то криптографией, не то письмом неизвестным (*Časopis Mus. Kr. Českeho*, 1892, вып. I). Ср. и предисловие в «*Ramatkash*», 1853 года. Эта ученая переписка Шафарика с хорватским «глаголяшем» из миран объясняет нам его благородную жадность, которая заставляла его преследовать злополучного Григоровича неустанным глагольским штурмом и, неудовлетворенная, послать ему тяжелое заподозрение.

40 «Отчет Казан. Университета за 1846-47 г.», стр.29.

41 Свое воззрение на то, что он называя византизмом, выработалось у него от начала, засело в нем глубоко — навсегда. В своем «Опыте он характеризует восточных славян: «соединенные с Византией одним исповеданием, они не знали ее разврата» (стр. 79). В исторической Одесской молитве к Свв. Кириллу и Мефодию, и на языке их, он молил об охранении славян и от — византизма.

42 Не перечислить всех этих кличек в работах его одесского периода, но нельзя отказать в артистическом подборе их! Вот некоторые из них: жирующие выходцы, взыскательные выходцы, корыстолюбивые потребители, опасные ловчие достояния своих сограждан, образцовые потребители трудов ее воинов. Да, эти клички — не случайные ярлыки, а как бы клейма. Нельзя не признать, что Григорович был редким

мастером слова, если только надо было что-нибудь пригвоздить: сколько меткости, мысли, конечно, уже не добродушной. Да, хорошо памятен и эпитет — избранник ...

43 В сооружении памятника принимали живое участие многочисленные народные училища Бессарабской губернии своими, буквально, копеечными приношениями.

44 11-го октября, см. Слав. Обозр., 1892 г., июль — август, стр. 246.

45 См. Воспоминания о Григоровиче проф. Успенского в Летописи Историко-филолог. Общ., т. I, стр. 20 — 21.

46 Исследования о церковно-славянском наречии, основанные на изучении его в древних памятниках, и пр.

47 Котляревский, Сочинения, II, 396.

48 Успенский, 1, с., 19.

49 «Древняя и Новая Россия», 1877 г., №5, стр., 75, статья А. С.

50 «Древняя и Новая Россия», 1. с., стр., 76

51 Успенский, 1. с., 36.